

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанскаго

Выпускъ IV

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія князя В. П. Мещерскаго. Спасская ул., № 27

1900

ОТДѢЛЪ I.

Труба въ народныхъ вѣрованіяхъ.

(Окончаніе).

Трубы при рожденіи ребенка.

По вѣрованью, чрезвычайно широко распространенному въ старомъ свѣтѣ, человѣку съ перваго же дня его жизни грозитъ серьезная опасность со стороны нечистой силы. Средства, которыми въ это время стараются устранить отъ роженицы и новорожденного опасность, отгоняя нечистую силу, повторяются повсюду почти тѣже самыя, которыя употребительны при періодическомъ изгнаніи бѣсовъ, т. е. бьютъ палкой или кнутомъ по стѣнамъ дома, кладутъ подъ голову роженицѣ оружіе, употребляютъ сильно пахучія растенія, вродѣ чеснока, стрѣляютъ изъ ружей, жгутъ въ теченіе нѣсколькихъ дней неугасаемый огонь, ставятъ около роженицы воду, обводятъ ее очарованнымъ кругомъ и т. под. Но случаи, когда при родахъ обращаются къ помощи трубы, повидимому, очень рѣдки. Намъ удалось найти въ этнографической литературѣ только одинъ такой случай у кавказскихъ евреевъ въ С. Варташенѣ Нухинскаго уѣзда Елизаветпольской губ. Но и тамъ къ трубленію въ рогъ и стрѣльбѣ изъ ружей прибѣгаютъ не при каждомъ рожденіи, а только въ случаѣ трудныхъ родовъ (178).

Труба на свадьбахъ.

Вѣрованье, что на свадьбѣ надо ожидать вредъ для новобрачныхъ со стороны нечистой силы, также весьма широко распространено по земному шару и опасность въ этомъ случаѣ опять-таки устраняется тѣми же излюбленными средствами: заставляютъ свадебный поѣздъ переѣзжать черезъ огонь, разливаютъ передъ нимъ воду, кричатъ, шумятъ, поютъ, сопровождаютъ свадьбу музыкой и стрѣльбой, ходятъ съ обнаженнымъ оружіемъ, съ бичами или кнутами, устраиваютъ пляски, бѣга или скачки на лошадяхъ, причемъ

обходить или объѣзжаютъ вокругъ молодыхъ съ разными священными предметами или же заставляютъ ихъ самихъ обходить вокругъ чего либо, считающагося священнымъ и т. д.

Объ участіи музыки на свадьбахъ древнихъ евреевъ мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, но на свадьбахъ современныхъ евреевъ оркестръ, а въ особенности духовой, такая необходимая принадлежность, что безъ него не обойдется ни одинъ самый бѣдный еврей и, насколько намъ приходилось наблюдать, собирая матерьялы объ еврейской свадьбѣ въ г. Варшавѣ и въ мѣстечкахъ Волынской губерніи, еврейскій свадебный оркестръ никогда не обходится безъ какой-либо трубы; по общественнымъ понятіямъ, такой оркестръ непременно долженъ быть громокъ и оглушительнъ.

Въ книгѣ г. Расинэ (Costume historique) приведена копія съ оригинальнаго индійскаго рисунка, относящагося къ началу текущаго столѣтія, на которомъ изображена свадебная процессія. Во главѣ этой процессіи идутъ трубачи, играющіе на своихъ инструментахъ. Кромѣ того въ Бременскомъ музеѣ есть огромная модель базара въ Остѣ-Индскомъ городѣ Агра, гдѣ изображены различныя уличныя сцены и, между прочимъ, индійская свадебная процессія, впереди которой идутъ трубачи съ ихъ инструментами у рта.

У Абисинцевъ во главѣ свадебной процессіи шествуютъ музыканты съ трубами, флейтами и бубнами (179).

У хорватъ въ Муракѣзѣ (въ Венгріи), когда свадебная процессія направляется въ церковь, то впереди ея выступаютъ два музыканта, играющіе на трубѣ и на гармоникѣ (180).

У русскаго народа въ старину свадьбы также сопровождались трубами, по крайней мѣрѣ у богатыхъ людей, что видно изъ великороссійской пословицы: „съ трубами—свадьба и безъ трубъ—свадьба“, приводимой у Даля (181).

У жителей г. Борну (въ Суданѣ), по разсказу извѣстнаго путешественника по Африкѣ, Эдуарда Фогеля, въ день свадьбы женихъ совершаетъ торжественное шествіе черезъ весь городъ, а затѣмъ усаживается на возвышенномъ сѣдалищѣ передъ своимъ домомъ, причѣмъ публика тѣснится около него, барабанить, дудить въ рога и кричить: „вѣчно вамъ жить. Аллахъ благослови васъ. Дожить бы вамъ до сѣдыхъ волосъ“ (182).

Труба на похоронахъ.

По вѣрованью Китайцевъ, есть злые духи Фунгъ-шуэ, которые бродятъ вокругъ гроба и мучатъ покойника во время похоронъ, а потому обрядъ этотъ сопровождается у нихъ куреніемъ пахучихъ травъ, а также игрой

(188).

на трубахъ и другихъ духовыхъ и ударныхъ инструментахъ, наполняющихъ воздухъ оглушительнымъ шумомъ. Думаютъ, что такими приемами можно отогнать отъ покойника злыхъ духовъ (183). Повидимому, върванье китайцевъ принадлежитъ къ числу международныхъ, такъ какъ у иныхъ народовъ практикуются на похоронахъ тѣже и многіе другіе приемы, употребляемые при обрядѣ „изгнанія бѣсовъ“, какъ то: огни, которые жгутъ во кругъ покойника, вода, которая ставится возлѣ умирающаго и та, которой его обмываютъ, музыка, сопровождающая похороны, стрѣльба изъ ружей и пушекъ, куреніе душистыми травами, конскія скачки и т. д. Къ числу этихъ приемовъ у многихъ народовъ земного шара принадлежитъ, также, какъ у Китайцевъ, и игра на трубахъ.

Объ участіи трубы въ похоронахъ древнихъ евреевъ мы не имѣемъ свѣдѣній, но у современныхъ этотъ обычай еще кое-гдѣ сохранился. Такъ у кавказскихъ евреевъ села Варташенъ Нухинскаго уѣзда Елисаветпольской губ., если умираетъ очень почетный и уважаемый человѣкъ, то его несутъ во дворъ синагоги, читаютъ тамъ молитвы и играютъ въ рожокъ (шуфаръ), а затѣмъ уже несутъ на кладбище (184).

На рисункѣ, приводимомъ у Расинэ, взятомъ изъ Пондишери, можно видѣть похороны брамина на югѣ Остѣ-Индіи, также сопровождаемыя трубочниками. Въ объясненіи къ рисунку сказано, что два человѣка обыкновенно играютъ на длинныхъ мѣдныхъ прямыхъ трубахъ (Phounda или Tagе) съ акомпаниментомъ другихъ, болѣе короткихъ трубъ.

У буддистовъ, въ Монголіи, звуками музыкальныхъ инструментовъ, съ преобладаніемъ трубъ, также сопровождаются похороны, но только не простыхъ смертныхъ, а князей (185).

Обычай хоронить покойника съ трубными звуками практиковался также у древнихъ обитателей Таврическаго полуострова. Въ катакомбѣ, открытой въ Керчи въ 1841 году, фрески изображаютъ похоронную процессію, во главѣ которой выступаютъ трубачи съ длинными прямыми трубами (186).

У древнихъ Римлянъ при похоронахъ во главѣ процессіи шли музыканты (*tibicines*), число которыхъ по закону было ограничено десятью, съ трубами, кларнетами и рожками (*tubae, tibiae, cornua*). Отсюда произошло латинское выраженіе „*ad tubicines mittere*“, что значитъ въ переносномъ смыслѣ „приготовлять къ смерти“ (187).

Въ настоящее время, во всей западной Европѣ съ духовымъ оркестромъ, состоящимъ изъ трубъ, хоронятъ лицъ военнаго сословія и особъ, пользующихся высокимъ общественнымъ положеніемъ, но кое-гдѣ похороны съ трубами сохранились и въ низшемъ классѣ, какъ напримѣръ: у Итальянцевъ (188), у баварскихъ вѣмцевъ (189) и у гуцуловъ (въ Галиціи). У этихъ

последнихъ кромѣ того, что провожаютъ умершаго съ трубнымъ звукомъ до самаго кладбища, передъ опусканіемъ гроба въ могилу, приподнимаютъ крышку его и трижды трубятъ надъ головой покойника (190).

Подобный этому обычай существуетъ и въ Полинезій на островахъ Тонга. Тамъ при похоронахъ Туи-Тонга (короля острововъ), когда покойникъ уже зарытъ въ землю, два воина трубятъ надъ его могилой въ военныя трубы-раковины (191).

Обычай трубить надъ могилой покойника былъ въ старину также и у Литовцевъ (191).

Сюда же нужно отнести употребленіе трубы на такъ называемомъ, „праздникѣ мертвыхъ“, т. е. на годовыхъ общественныхъ поминкахъ покойника. Такой обычай существуетъ до настоящаго времени въ Остѣ-Индіи (193). Кромѣ того рогъ употребляется у африканскаго народа Латуковъ (въ верховьяхъ Нила) при пляскахъ, совершаемыхъ въ честь каждаго покойника (194). Наконецъ, извѣстный обычай Остѣ-Индіи сожиганіе вдовъ, который близокъ по своему смыслу къ похоронамъ, также сопровождался трубами (195).

Трубнымъ звукомъ встрѣчаютъ восходъ солнца и провожаютъ солнце при закатѣ.

Такой обычай есть у русскихъ горцевъ, гуцуловъ, въ Галиціи и соблюдается лѣтомъ на полонинахъ (на пастбищахъ). Пастухи ежедневно встаютъ передъ зарей, а когда солнце покажется на горизонтѣ, то читаютъ молитву, оборотясь лицомъ къ востоку и 3 раза трубятъ въ трубу. Исполнивши обрядъ, они снова ложатся спать.

Очень близко къ этому обычаю стоитъ вѣрованье албанцевъ, которые думаютъ, что ночью на трубѣ играть грѣшно, такъ какъ это значитъ только тѣшить черта, который подъ звуки трубы танцуетъ (196).

Нѣчто подобное было у древнихъ Персовъ, а именно трубою изъ палатки царя подавался сигналъ къ выступленію и къ битвѣ, но, влѣдствіе религіознаго вѣрованья, такой сигналъ не могъ быть поданъ передъ восходомъ солнца (197). Въ современной Персіи также соблюдается до настоящаго времени древній обычай звуками трубы и барабана ежедневно оповѣщать народъ о восходѣ и заходѣ солнца. Исполняется этотъ обычай тремя музыкантами на самой возвышенной террасѣ дворца (198).

Профессоръ Варшавскаго Университета О. И. Еабера, родомъ чехъ, рассказывалъ намъ, что въ старину, за его память, лѣтъ 40 тому назадъ во

многихъ городахъ Чехіи придерживались обычая, чтобы ночные сторожа, влѣзая на башни, ежедневно въ 11 часовъ вечера играли на трубѣ, давая тѣмъ знать жителямъ города о наступленіи времени для сна. Въ настоящее время этотъ обычай уже совершенно исчезъ.

Въ древнемъ Римѣ ночные сторожа (*vigiliae*) и слуги при римскихъ магистратахъ трубными звуками оповѣщали народъ о каждомъ часѣ дня и ночи (199).

Хотя въ приводимыхъ нами примѣрахъ трубные сигналы имѣютъ скорее практическое, чѣмъ религіозное значеніе, но, судя по тому, что съ трубленіемъ при восходѣ солнца кое-гдѣ соединены и вѣрованья, можно думать, что разсматриваемый нами обычай въ древніе времена имѣлъ какое-то религіозное основаніе, которое съ теченіемъ времени было забыто.

Труба при лунныхъ затменіяхъ.

Вѣрованье, что солнце и луну во время ихъ затменія поглощаютъ, сосутъ или ѣдятъ демоны, змѣи, драконы или другія мифическія чудовища, распространено во всѣхъ частяхъ свѣта, а вмѣстѣ съ нимъ распространены и способъ прогонять этихъ чудовищъ различнаго рода шумами. Изъ обычаевъ, основанныхъ на такомъ вѣрованіи, мы приведемъ только одинъ, въ которомъ участвуетъ труба.

Англійскіе путешественники, братья Ляндеръ, во время своего пребыванія въ Африкѣ на берегахъ Нигера, въ гор. Бусса, были свидѣтелями луннаго затменія. Описывая ужасъ, который вызываетъ это явленіе среди дикарей, они передаютъ слѣдующее: „Дикари собрались на огромной площади города, забравъ съ собою все необходимое для воспроизведенія звука, шума и треска. Взрослые образовали большой тройной кругъ, бѣгали то туда, то сюда со скоростью волчка, съ криками, воемъ и стономъ, издававшимися изо всей силы африканскихъ легкихъ, бросались во всѣ стороны, какъ бѣшеные, изгибались корпусомъ и крутили руками и ногами, производя тысячи судорожныхъ движеній, скакали, прыгали стучали ногами объ землю и поднимали руки къ небу. Въ кругу бѣгали въ полномъ отчаяніи маленькія дѣти, ударя другъ о друга пустыми тыквами и горько плача. Группы мужчинъ дули до полного изнеможенія въ огромныя трубы, другіе въ воловьи рога съ хриплыми нестройными звуками, иные со страшными усиліями били въ старыя надтреснутыя барабаны, тогда какъ отъ желѣзныхъ прутьевъ и цѣпей, сталкивающихся между собою, неслись ноты самыя зловѣщія въ этомъ дьявольскомъ концертѣ“ (200).

Труба отвращаетъ чары.

Вѣрованье, что труба можетъ отогнать отъ человѣка направленное на него колдовство мы находимъ не только въ Старомъ Свѣтѣ, есть оно и въ Новомъ, но только нѣсколько въ иномъ видѣ.

На Ново-Гебридскихъ островахъ (въ Полинезиі), какъ извѣстно, существуютъ шаманы, почти такіе же, какъ, въ Азиі, Африкѣ и Америкѣ. Шаманы эти, по вѣрованію туземцевъ, если пожелаютъ, могутъ вызвать болѣзнь или смерть человѣка, раздобывши отъ него нагакъ. Нагакомъ называются здѣсь брошенные кѣмъ-нибудь остатки пици, которые бросать отнюдь не слѣдуетъ, а нужно тайно сжечь или закопать. Если какой-нибудь полинезійскій шаманъ найдетъ чьи-нибудь остатки пици, то онъ заворачиваетъ ихъ въ древесную кору, а когда наступитъ ночь, то садится при огнѣ и понемногу сжигаетъ нагакъ. Если по близости находится кто-нибудь боленъ, то онъ проситъ кого-либо изъ своихъ домашнихъ заиграть на трубѣ-раковинѣ для того, чтобы шаманъ оставилъ свое вредное дѣло. На утро шаману приносятъ выкупъ за возвращеніе „нагака“. Такой же обычай лишь съ малыми измѣненіями существуетъ кромѣ того на Маркизовыхъ островахъ и на островахъ Фижди (201).

Труба излечиваетъ болѣзни.

Особенно любопытно соединенное съ трубою вѣрованіе Семиградскихъ нѣмцевъ-колонистовъ. Образование гнойнаго нарыва они приписываютъ тому, что злой духъ, по имени Омъ (Ohm), входитъ въ человѣческое тѣло. Противъ него употребляютъ слѣдующее оригинальное средство: держать надъ нарывомъ трубу и просить кого-нибудь на ней поиграть. Во время этой игры больной долженъ приговаривать: „Heilige Blazius (отъ слова blazen- дуть, трубить), du frommer Knecht, thu mir recht, erhör' mein Gebet, treib' in den Wald meinen Ohm“ (т. е. Святой Блязіусъ, ты благочестивый слуга, окажи мнѣ справедливость, исполни мою молитву, выгони въ лѣсъ моего Ома). При этомъ наблюдается, чтобы надъ больнымъ мужчиной трубила женщина и наоборотъ. Послѣ произнесенія наговора приглашенная особа (а отнюдь не самъ больной) должна выдуть на трубѣ еще нѣсколько звуковъ, обращая раструбъ инструмента въ сторону лѣса (202).

У монгольскихъ буддистовъ, по разсказу французскихъ миссіонеровъ Гюка и Габэ, вѣрятъ, что причиною болѣзни всегда бываетъ Чутгуръ, т. е. бѣсъ, а потому леченіе больного заключается въ изгнаніи этого бѣса. Вышеупомянутые миссіонеры были свидѣтелями излеченія одной жен-

щины отъ лихорадки; по ихъ описанію, въ шатеръ, гдѣ была больная, собралось не менѣе восьми ламъ съ цимбалами, морскими раковинами, барабанами и колокольчиками. Изъ сушеныхъ кореньевъ они сдѣлали большую куклу, которую назвали „бѣсомъ лихорадки“ и больную посадили противъ этой куклы. Передъ докторомъ-ламой стоялъ большой мѣдный тазъ; въ немъ было пшено и разныя фигуры изъ гѣста. По известному знаку раздавалась музыка, которая могла бы перепугать самаго неустрашимого и упорного чорта. Когда музыка прекратилась, лама открылъ книгу заклинаній и сталъ пѣть томнымъ, унылымъ голосомъ и при этомъ выбиралъ изъ таза по нѣскольку пшеничныхъ зернушковъ и бросалъ ихъ кругомъ. Кончивъ заклинанія, лама подалъ знакъ остальнымъ своимъ товарищамъ, чтобы они начали „свою страшную музыку“. Монголы быстро вскочили, бѣгали другъ за другомъ вокругъ шатра и такъ при этомъ кричали, что у слушающаго „волосы могли бы стать дыбомъ на головѣ“. Сдѣлавши такимъ образомъ три тура вокругъ шатра, который они обсыпали палочными ударами, они опять вошли внутрь и сѣли на прежнія мѣста. Затѣмъ кукла была сожжена и всѣ присутствовавшіе процессіей вышли изъ шатра, неся въ рукахъ горящія головни. Шествіе открывали лица недуховныя, за ними больная, и въ концѣ лампы, снова затянувшіе свою „адскую музыку“. Этимъ былъ законченъ обрядъ леченія (203).

Труба сопровождаетъ главнѣйшія занятія человѣка: скотоводство и земледѣліе.

Свѣдѣнія объ употребленіи трубы у пастуховъ мы имѣемъ только изъ Европы. Обычай этотъ несомнѣнно принадлежитъ къ глубокой древности, но намъ удалось найти самое раннее свидѣтельство о немъ только въ исторіи древняго Рима. Тамъ мѣдная труба *buccina*, подражавшая своей формой морской раковинѣ, употреблялась пастухами для собиранія скота и для вызванія его изъ лѣсу (204).

Въ настоящее время пастухи вооружены трубами въ слѣдующихъ мѣстностяхъ Европы: во Франціи (205), въ Швейцаріи, въ Швеціи и Норвегіи (207), въ Венгріи (208), у Чеховъ (209), у Гуцуловъ (въ Галиціи) (210), у Литовцевъ и Латышей, у Поляковъ въ губерніяхъ: Ломжинской, Сувалкской, Плоцкой и Сѣдлецкой, у малороссовъ въ губ. Сѣдлецкой и Гродненской, у Бѣлоруссовъ и Полѣшуконъ въ губ. Минской, Виленской, Витебской, Могилевской, Смоленской и Черниговской, у Великороссовъ въ губ. Пековской, Новгородской, Петербургской, Олонецкой, Архангельской, Тверской, Костромской, Московской, Орловской и Владимірской.

Употребленіе трубы пастухами въ большей части Европы въ настоящее время почти утратило свой смыслъ вмѣстѣ съ истребленіемъ лѣсовъ и дивныхъ звѣрей, но на сѣверѣ ея, въ Швеціи и въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ, и лѣсовъ и дивныхъ звѣрей еще очень много, а потому тамъ трубы служатъ кромѣ созыванія скота еще и для отпугиванія звѣрей. У Шведовъ, какъ мы уже видѣли, до сихъ поръ сохранился праздникъ пастуховъ, справляющійся при первомъ выгонѣ скота въ поле. Въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ день этотъ празднуется почти также, какъ въ Швеціи. Надъ скотомъ служится молебень, его опрыскиваютъ святой водой и иногда перегоняютъ черезъ огонь, обходятъ вокругъ него съ образомъ и т. под., но вмѣсто трубныхъ звуковъ дѣлаютъ наговоры надъ трубами, сопровождая ихъ разными обрядами. Обряды эти въ с. Уница Петрозаводскаго уѣзда Олонецкой губерніи, по записи нашего знакомаго, доктора С. В. Тучемскаго, состоятъ въ слѣдующемъ:

Пастухъ, нанимающійся пасти деревенскій скотъ въ теченіи наступающаго лѣта, беретъ воскъ отъ свѣчи, горѣвшей сперва передъ плащаницей, а потомъ во время Христовской (Пасхальной) заутрени. Съ этимъ воскомъ онъ приходитъ къ своему стаду, беретъ по волосинкѣ отъ cadaго животнаго и закатываетъ ихъ въ воскъ. Надъ воскомъ онъ говоритъ такъ называемый отпускъ или наговоръ. Такихъ отпусковъ въ С. Уницахъ три: Майскій, Іюльскій и Сентябрьскій. Изъ нихъ пастухъ въ началѣ лѣта произноситъ только первый и при этомъ трижды обходитъ вокругъ стада по солнцу. Наговоренный воскъ раздѣляется на двѣ половины; одну половину пастухъ носитъ при себѣ, т. е. кладетъ ее подъ берестяную обкладку трубы, а другую въ какое-либо мокрое мѣсто, гдѣ бы ее никто не тронулъ. Такой же самый обрядъ повторяется потомъ въ Іюль и въ Сентябрь. Въ приложеніи къ настоящей статьѣ, мы печатаемъ три названные отпуска цѣликомъ, а здѣсь приведемъ только слова ихъ, относящіяся къ трубѣ. Вотъ что говорится въ Іюльскомъ отпускѣ: „заиграю я, рабъ Божій, пастырь (Им. р.), въ свой рогъ или трубу, я проговорю сіи слова: „собирайся мой милый скотъ, крестьянскій животъ, быки и коровы, нетели и малыя телята, идите, бѣжите ко своимъ домамъ, ко своимъ хозяевамъ, какъ летитъ изъ лука стрѣла, сколь прямо и сколь ярко, назадъ не возвращается и какъ ярыя пчелы сходятся и слетаются въ свои ульи и какъ малые мураши сходятся и свиваются къ своему царю, большому муравью и какъ шаетъ и горитъ уголь въ горнѣ, такъ шаяло бы и горѣло у всякой скотины по скотинѣ поръ (?) и сердце по своему хозяинѣ и хозяйкѣ и по мнѣ, рабѣ Божіемъ, пастырь (Им. р.) по моемъ трубномъ голосѣ“....

Кромѣ приводимыхъ нами Олонецкихъ отпусковъ, еще нигдѣ не напечатанныхъ, въ нашей этнографической литературѣ, есть еще нѣсколько ихъ

записанныхъ: 1) въ Олонецкой же губерніи, но въ Пудожемскомъ уѣздѣ (211), 2) въ Новгородской (212) и 3) въ Архангельской (213). Въ Новгородскомъ отпускѣ про воскъ (съ закатанной въ него шерстью) сказано: „одну часть положи пастухъ въ свою трубу подъ берестку или въ рогъ, а другую часть воска съ шерстью положи въ замокъ и тотъ замокъ замкни“... А про трубный звукъ говорится. „И какъ сходитя народъ Божій, крещеный по колокольному звону и приходило бы мое счетное стадо коровье, конное и овечье на мой голосъ и трубу“. Въ другомъ мѣстѣ: „и затрублю въ свою трубу или въ рогъ заиграю тогда бы на голосъ трубы мой скотъ, Власьевъ родъ, со всѣхъ сторонъ всѣ скоплялись“... Въ Архангельскомъ отпускѣ про воскъ сказано: „положи треть въ дерево, другую треть— въ замокъ, третью треть заверти въ рогъ, замокъ запечатай инымъ воскомъ и замкни и ключъ утопи въ воду“...

Что касается земледѣлія, то наиболѣе интересный обычай связанный съ этимъ родомъ занятій существуетъ у чеховъ. Ихъ раковины-трубы называются *trouby proti mračnim* (т. трубы противъ грозовыхъ тучъ). Г. Рачекъ, описывая эти трубы, говоритъ, что въ Кучерѣ съ незапамятныхъ временъ онѣ употреблялись для отогнанія грозовыхъ тучъ. Полевой сторожъ (*Glidač polný*) постоянно носить такую трубу при себѣ въ полотняномъ чехлѣ, чтобы отогнать тучу, пока она еще въ зародышѣ. Такой трубачъ, если только гдѣ нибудь завидитъ зловѣщую тучу, становится противъ нея, поднимаетъ свою трубу вверхъ и не перестаетъ трубить до тѣхъ поръ, пока туча не разойдется, хотя бы около него ударила молнія и самъ бы онъ промокъ до костей. Когда такой трубачъ въ первый разъ съ весны выходитъ въ поле, онъ долженъ выполоскать свою трубу свяченой водой и обтереть свяченой солью. Онъ трубить все лѣто, пока не начнется жатва. Народъ вѣритъ въ силу этой трубы и никакимъ образомъ нельзя его въ этомъ разубѣдить (215).

Къ этому можно еще прибавить, что малороссы Ковельскаго уѣзда трубятъ по окончаніи жатвы, во время посѣва озимаго хлѣба, для того, чтобы, по ихъ выраженію, „жито крутилося въ трубу“, а въ Тибетѣ ламы выходятъ въ полѣ и трубятъ передъ началомъ жатвы (216).

Труба, какъ боевой инструментъ.

Едва ли не самымъ важнымъ практическимъ примѣненіемъ почти у всѣхъ народовъ земного шара было пользованіе трубою на войнѣ. Изъ перечисленныхъ нами народовъ, у которыхъ принята труба, едвали найдутся такіе, которые бы не примѣняли этого инструмента въ военномъ дѣлѣ, тѣмъ

болѣе, что даже въ европейскихъ арміяхъ онъ не утратилъ еще до сихъ поръ нѣкоторой доли своего значенія.

Труба оказывала людямъ на войнѣ услугу троякаго рода: во первыхъ, какъ сигнальный инструментъ, облегчавшій сношеніе между людьми на большихъ разстояніяхъ, во вторыхъ, какъ инструментъ громкій, наводившій на враговъ ужасъ въ особенности, когда игроки на немъ соединялись въ массы, и въ третьихъ, какъ такой инструментъ, который мощнымъ звукомъ своимъ въ состояніи былъ вызвать энтузіазмъ въ рядахъ воюющихъ.

Мы видѣли уже, что въ Библии труба, какъ сигнальный инструментъ, рекомендовалась евреямъ отъ имени самого Бога, и тогда же опредѣлено было значеніе каждаго отдѣльнаго трубнаго сигнала. Изъ Библии же мы узнаемъ, что евреи пользовались на войнѣ огромными военными оркестрами или лучше сказать скопленіями музыкантовъ. Такъ, на примѣръ, благодаря трубачамъ, Геденъ при одномъ изъ столкновеній съ мадіанитянами обратилъ въ бѣгство своего многочисленнаго непріятеля. Въ его распоряженіи было только 300 человекъ солдатъ, а мадіанитянъ было, по словамъ Библии, такъ много, „какъ саранчи“. Геденъ, по приказанію Божию, вооружилъ свою маленькую армію вмѣсто оружія трубами и кувшинами, скрывавшими въ себѣ зажженные факелы. Эти триста Израильтянъ ночью окружили лагерь непріятеля и своей игрой на трубахъ вмѣстѣ со свѣтомъ факеловъ навели такой ужасъ на мадіанитянъ, что тѣ обратили свое оружіе другъ противъ друга и бѣжали въ полномъ безпорядкѣ (217).

Въ другой разъ Авія, царь Іудейскій, съ войскомъ своимъ былъ окруженъ превышавшимъ его силы войскомъ невѣрнаго царя Израильскаго, Геровоама. Не потерявши присутствія духа, Авія приказалъ священникамъ затрубить въ трубы. Музыка эта возбудила такой энтузіазмъ въ его солдатахъ, что они, бросившись на своего многочисленнаго противника, не только избѣжали опасности, но еще и заставили войска Геровоама обратиться въ бѣгство (218).

Въ древности, кромѣ евреевъ, труба употреблялась въ Азіи въ качествѣ военно-сигнальнаго инструмента еще у Ассирійцевъ (219), у Персовъ (220), у Мидійцевъ (221), и у Армянъ (222), въ Африкѣ—у Египтянъ (223), а въ Европѣ—у Римлянъ (224), Этрусковъ (225), Грековъ (226), Оракійцевъ (227), Германцевъ (228), Галловъ (229), Бриттовъ (230), Скандинавовъ (231), Литовцевъ (232) и Славянъ (233).

Кромѣ краткихъ замѣтокъ и данныхъ, добытыхъ раскопками, о военной трубѣ у всѣхъ вышеперечисленныхъ народовъ, мы имѣемъ о томъ же предметѣ еще кое-какія историческія свидѣтельства. Такъ о древнихъ Персахъ говорятъ, что у нихъ труба считалась „національнымъ“ инструментомъ. О другихъ народахъ древности, какъ о Оракійцахъ, Галлахъ и Сла-

внѣхъ, не
нмъ ил
звать, что
только въ
народовъ,
Гомеръ,
инструмент

У на
мента так
говорится:
тивъ“. И
всѣмъ раз
ныя труб
ковъ (23

Въ
повсюду,
будемъ н
сударствах

Объ
независимо
персовъ, и
народовъ
Персидско
извѣстно
подъ назв
чарской“

Есть такж
ве по Евр
войскъ, ко
для военн
прямая, м

Въ А
свѣтѣ. Там
шающій ст
умѣренно,
на приводи
своей жизни
время, по

вѣнахъ, передають, что у нихъ сигналъ въ началу боя подавался страшнымъ или ужаснымъ ревомъ трубъ. Наконецъ, о Грекахъ историки думаютъ, что у нихъ труба, какъ военный инструментъ, вошла въ употребленіе только въ историческія времена, т. е. сравнительно позже, чѣмъ у другихъ народовъ, которые употребляли на войнѣ трубу съ незапамятныхъ временъ. Гомеръ, хотя и знаетъ трубу, но еще не упоминаетъ о ней какъ о военномъ инструментѣ, впервые она является таковымъ у Эхила (234).

У насъ на Руси начало употребленія трубы въ качествѣ военнаго инструмента также теряется въ глубокой древности. Въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ говорится: „трубы трубятъ въ Новѣгородѣ, стоятъ стязи въ Путивлѣ“. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, что въ древней Руси трубили всякій разъ при выступленіи въ походъ, и что въ 12 столѣтіи русскія военныя трубы были совершенно прямыя, вродѣ нынѣшнихъ пастушьихъ рожковъ (235).

Въ настоящее время труба, какъ военный инструментъ, распространена повсюду, гдѣ только армія устроена на европейскій ладъ. А потому мы не будемъ ничего говорить о современной Европѣ, гдѣ арміи во всѣхъ ея государствахъ болѣе или менѣе одинаковы.

Объ Азіи можно сказать, что тамъ труба, какъ военный инструментъ, независимо отъ Европейскаго вліянія существовала вромѣ евреевъ, ассирійцевъ, персовъ, мидійцевъ и армянъ еще у арабовъ, у нѣкоторыхъ изъ тюркскихъ народовъ и у китайцевъ. Такъ извѣстно, что она была принята въ Ново-Персидской монархіи временъ Сассанидовъ (отъ 3 до 7 вѣка по Р. Х.) (236), извѣстно также, что у турокъ-османъ была своя собственная военная труба подъ названіемъ кабуцурна (237) и что по образцу „турецкой или янычарской“ музыки были сформированы европейскіе военные оркестры (238). Есть также военныя трубы у Кокандцевъ, хотя войска ихъ устроены вовсе не по Европейскому образцу (239). Что касается китайцевъ, то въ ихъ войскѣ, которое менѣе всего можно упрекнуть въ заимствованіяхъ изъ Европы, для военныхъ сигналовъ употребляется двоякаго рода трубы: 1) длинныя, прямыя, металлическія и 2) раковины (240).

Въ Африкѣ военныя трубы имѣютъ весьма важное значеніе въ Абиссиніи. Тамашняя труба издаетъ только одинъ звукъ громкій, грубый и внушающій страхъ. Въ походахъ, когда еще не видно непріятеля, она звучитъ умѣренно, но во время атаки въ нее дуютъ такъ сильно и бурно, что звукъ ея приводитъ абиссинскихъ солдатъ въ ярость и бѣшенство. Не заботясь о своей жизни, они съ жаромъ бросаются тогда на непріятеля. Даже въ мирное время, по словамъ англійскаго путешественника Брюса, пока эта труба зву-

чить, никто не оставался сидѣть, все вскакивали и испытывали необходимость двигаться (241).

Въ другихъ мѣстностяхъ Африки труба также является военнымъ инструментомъ у негритявскихъ племенъ: Вакуафи (въ Нубіи) (242), Вагого (во внутренней Африкѣ) (243), Дагомейцевъ (въ западной Африкѣ), Говасовъ Мадагаскара (244) и у негровъ Самори (245).

Въ Австраліи, на о-хъ Тонга, военной трубой считается раковина, а на Новой Зеландіи деревянная труба (Британскій музей).

Въ Америкѣ еще до прихода туда европейцевъ воинственныя краснокожія племена, жившія въ Центральной Америкѣ, по берегамъ Мексиканскаго залива, производили дикую военную музыку раковинами — трубами, дудками и барабанами (246).

Въ прямомъ отношеніи къ военному дѣлу въ древности стояли всевозможныя состязанія въ физической силѣ и ловкости, какъ то: скачки, борьба, рыцарскіе турниры и проч., а потому во многихъ мѣстахъ земного шара принято было начинать ихъ непременно по сигналу трубы. Такъ, въ древнемъ Римѣ трубою сопровождалась игра (247), въ средніе вѣка въ западной Европѣ *busina* обязательно присутствовала на всѣхъ турнирахъ, ею подавали сигналъ къ началу и окончанію боя (248). Кое-гдѣ въ видѣ переживанія обычай начинать состязанія звуками трубы сохранился и до нашего времени. Такъ, напримѣръ, въ Испаніи трубою подается сигналъ къ началу боя быковъ (249), а на островѣ Корфу — къ началу скачекъ, бывающихъ во время карнавала (250). У Имеретинъ трубою подается сигналъ къ началу полурелигіозной игры „въ мячъ“ (251).

Трубами позорятъ людей, совершившихъ безнравственный поступокъ.

Изъ предъидущаго мы видѣли, что съ незапамятныхъ временъ человекъ считалъ трубные звуки однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ противъ нечистой силы, а трубу — инструментомъ священнымъ. Вѣра эта была въ древнія времена настолько искреннею, что человекъ ни въ какомъ случаѣ не могъ бы злоупотреблять трубою и не могъ бы допустить пользованія ею въ случаяхъ, несоотвѣтствующихъ тому высокому положенію, которое инструментъ этотъ занималъ въ его религіи. Съ этой точки зрѣнія, если мы видимъ въ настоящее время какой-либо обычай, злоупотребляющій трубою, напримѣръ направляющій звуки ея вмѣсто нечистой силы противъ самаго человека, то мы вправѣ сдѣлать заключеніе двоякаго рода: или, что обычай, нами взятый, относится не къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда труба высоко стояла въ глазахъ человека, а къ болѣе позднимъ, когда этотъ инструментъ

ужь успѣлъ потерять свое религіозное значеніе, или же въ нашемъ обычаѣ есть какой-либо элементъ, незамѣтный съ перваго взгляда, который ставитъ его наравнѣ съ другими древними обычаями и примиряетъ кажущуюся его нелогичность и противорѣчіе съ общимъ порядкомъ вещей.

Если, исходя изъ сказаннаго, мы обратимся къ обычаю пользоваться трубой на войнѣ, гдѣ предполагаемая сила трубы направлена не противъ злого духа, а противъ человѣка, то не можемъ прийти къ первому изъ нашихъ двухъ заключеній, потому что употребленіе трубы на войнѣ относится къ самой глубокой древности. Слѣдовательно остается заключить, что человечество приравнивало своего непріятеля на войнѣ къ злему духу. И дѣйствительно мы знаемъ не мало фактовъ изъ исторіи войнъ, когда, по древнимъ вѣрованьямъ, войска обѣихъ враждующихъ сторонъ направлялись другъ на друга не самопроизвольно, а по внушенію божества. Множество примѣровъ такого вѣрованья мы находимъ между прочимъ въ исторіи Троянской войны. Слѣдовательно, если признано, что нашу армію ведетъ на войну доброе божество, то нашихъ непріятелей направляетъ на насъ божество злое, нечистая сила, противъ которой употребленіе трубы одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ и самыхъ законныхъ средствъ.

Гораздо труднѣе доказать древность обычая, поставленнаго въ заголовкѣ настоящей главы, который у французовъ называется шаривари и направляется противъ вдовца или вдовы, вступающихъ во второй бракъ. Но прежде чѣмъ приступить къ доказательству, необходимо познакомить читателей съ деталями обычая, какъ онъ передается во французскихъ этнографическихъ журналахъ.

Французскіе простолюдины различаютъ шаривари малое и большое. Какъ то, такъ и другое по своей идеѣ выражаютъ протестъ деревенскаго общества противъ безнравственнаго поступка кого-либо изъ его членовъ. Шаривари малое состоитъ въ томъ, что крестьяне собираются въ свободное отъ работы время, т. е. по вечерамъ или по ночамъ подъ окнами того изъ своихъ членовъ, которому устраивается шаривари. Всѣ собравшіеся вооружены деревянными и роговыми трубами и различными домашними ударными инструментами въ родѣ котловъ, кастрюль, сковородокъ, горшковъ, щипцовъ и т. под. При помощи всѣхъ этихъ инструментовъ, на которыхъ играютъ одновременно, при помощи криковъ и пѣсенъ, сочиненныхъ на этотъ случай, иногда неприличныхъ, получается невыносимая, оглушительная какофонія, продолжающаяся иногда цѣлые часы въ теченіи многихъ дней. Всякіе протесты противъ подобнаго нарушенія спокойствія со стороны, страдающей отъ него, въ большинствѣ случаевъ оказываются бесполезными. Полиція въ малыхъ деревняхъ или очень слаба, чтобы помѣшать подобнымъ концертамъ, или же, что бываетъ чаще, смотритъ на нихъ сквозь пальцы. Если страдающее лицо попытается своими собственными силами возстановить свои нарушенные права, или

выразить свое неудовольствіе бранью, то устроители концерта переходят во второй степени малаго шаривари: призывными звуками трубы собираютъ они своихъ друзей и пріятелей и увеличиваютъ число концертантовъ въ нѣсколько разъ. Шаривари малое устраивается преимущественно тогда, когда происходитъ свадьба между вдовцами или когда одинъ изъ брачующихся вдовецъ. Въ большинствѣ случаевъ въ такомъ шаривари нѣтъ даже никакого протеста, такъ какъ бракъ вдовца, по современнымъ понятіямъ, не предосудителенъ. Вѣроятно оно совершается просто въ силу обычая, какъ переживаніе прошлаго. Что касается шаривари большого, то оно очень часто выражаетъ дѣйствительный протестъ деревенскаго общества, такъ какъ практикуется въ томъ случаѣ, если брачующіеся извѣстны въ деревнѣ своей безнравственностью. Въ такомъ случаѣ вмѣсто концерта устраивается настоящее драматическое представленіе. Какого-либо изъ сосѣдей того лица, которому хотятъ устроить шаривари, одѣваютъ и гримируютъ такъ, чтобы онъ по возможности походилъ на виновника торжества, затѣмъ ему придаютъ баррикатурный видъ, сажаютъ на осла лицомъ въ хвосту и возятъ по деревнѣ съ трубнымъ звукомъ, съ барабаннымъ боемъ, съ криками и пѣнями. Шаривари большіе и малые практикуются въ настоящее время во Франціи: въ Пуату, Бурбонѣ, въ департаментѣ Шаранты, въ Анжу, въ Котъ-дэ Нордъ, а кромѣ того на о-вѣ Корсикѣ и въ Бельгіи (252).

Такой же самый обычай есть и въ Германіи, онъ очень древній и назывался прежде „Тирьягдъ“ (Tierjagd). Въ настоящее время онъ почти исчезъ и сохранился только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ горной Баваріи подъ названіемъ Haberfeldtreiben. Народъ прибѣгаетъ къ нему въ тѣхъ случаяхъ, когда хочетъ собственнымъ самосудомъ покарать кого-либо изъ своихъ согражданъ за обманъ, ростовщичество, мошенничество, кутежъ, не имѣющій границъ, и, такъ же какъ во Франціи, за нарушеніе общепринятаго кодекса нравственности. Въ общихъ чертахъ нѣмецкій Тирьягдъ напоминаетъ французское „шаривари“: также собирается народъ со всевозможными инструментами, въ числѣ которыхъ не послѣднюю роль играетъ труба, дѣлаемая нарочно для этого случая изъ древесной коры. Также производится адскій шумъ вокругъ дома виновнаго. Но все это дѣлается болѣе неожиданно, чѣмъ у французовъ, непременно ночью, при свѣтѣ факеловъ и людьми, одѣтыми въ маски. Въ отличіе отъ „шаривари“, Тирьягдъ обставляется особенной таинственностью, такъ какъ результаты его бывають менѣе невинны, чѣмъ во Франціи: виновнаго не только подвергаютъ публичному посрамленію, но кромѣ того и побоямъ, которые, въ случаѣ активнаго сопротивленія жертвы самосуда, не всегда кончаются благополучно (253).

Въ Кампаньи, въ Италиі, труба изъ морской раковины и воловій рогъ обязательно участвуютъ при воспроизведеніи той страшной какофоніи,

которою тамошніе крестьяне угощают новобрачныхъ въ первые три вечера послѣ свадьбы въ томъ случаѣ, если одинъ изъ нихъ вдовецъ. Антонио Де Нино рассказываетъ, что ему довелось быть свидѣтелемъ подобной же сцены въ Монреалѣ на свадьбѣ стараго вдовца. „Свадебный поѣздъ весело двигался по улицѣ, сопровождаемый большою толпой зрителей. Вокругъ раздавались громкій и рѣзкій звонъ колокольчиковъ, стукъ въ кочерги, угольные ковши, металлическія крышки, бречанье связками ключей, ко всему этому крики и свистки цѣлымъ хоромъ. Не было здѣсь недостатка и въ молотѣ съ наковальней—кузнецъ нарочно вынесъ ихъ за двери своей кузницы. Специалисты наигрывали въ мѣдные рожки. А одна веселая компанія отвязала на колокольнѣ колоколь и пустила его въ дѣло. Колоколу вторили удары по дну кадокъ и ушатовъ“ (254).

Несомнѣнно, что этотъ обычай принадлежитъ къ числу международныхъ, такъ какъ мы встрѣчаемъ его не въ одной западной Европѣ. Въ с. Косковѣ, Свіяжскаго уѣзда (у великороссовъ) ко дню бракосочетанія вдовца мальчиши и взрослые парни заготовляютъ возможно большее количество изношенныхъ лаптей, въ день самаго бракосочетанія они съ собранными лаптями отправляются въ церкви и ждутъ выхода новобрачнаго вдовца. Лишь только онъ выйдетъ изъ церкви, мальчиши и парни начинаютъ бросать въ него гнилыя лапти. Нѣкоторые, связавъ три лаптя вмѣстѣ, стараются такую связку повѣсить новобрачному на шею. Бросанье лаптей въ новобрачнаго продолжается до входа его въ домъ, или выѣзда за полевыя ворота (255).

У Уфимскихъ черемисъ, гдѣ жители села строго наблюдаютъ за нравственностью другъ друга, въ случаѣ замѣченныхъ близкихъ внѣбрачныхъ отношеній между холостымъ парнемъ и дѣвушкой, заставляютъ ихъ вѣнчаться; въ случаѣ же если въ томъ же попадется вдова съ парнемъ или жеватымъ, выводятъ виновныхъ на улицу, привязываютъ другъ къ другу шнурками отъ штановъ, обвѣшиваютъ обоихъ старыми метлами, вѣниками, лаптями и т. под. и водятъ по улицамъ села, при чемъ одинъ изъ соучастствующихъ десятскихъ бьетъ въ барабанъ (256).

Нѣчто подобное французскому большому шаривари въ старину устраивалось у гагаузовъ Бендерскаго уѣзда, гдѣ замѣченныхъ въ незаконной связи сажали, такъ же, какъ у французовъ, на осла и съ крикомъ возили по улицамъ села. Тоже самое дѣлается и до настоящаго времени у имеретинъ (257).

Видоизмѣненіемъ того же обычая можно считать практикующіеся въ разныхъ мѣстахъ Россіи способы публичнаго посрамленія воровъ, которыхъ водятъ по улицамъ, обвѣшивая украденными вещами, или родителей и родственниковъ дѣвушки, несоблывшей невинности на которыхъ надѣваютъ хомуты и т. под. Сюда же надо отнести обычай студентовъ всего цивилизованнаго міра устраивать передъ окнами неугодившаго имъ профессора кошачьи серенады и т. п.

Для насъ въ настоящемъ случаѣ важно въ обычаѣ, нами разсматриваемомъ, то, что во Франціи, Германіи и Италіи онъ сопровождается трубами или рогами. Если ихъ вѣтъ въ данной мѣстности въ то время, когда нужно устроить шаривари, то ихъ нарочно заказываютъ „саботьерами“ (мастерамъ деревянной обуви), какъ это дѣлается въ Бельгіи, или берутъ у жнецовъ, какъ въ Пуату. Отсюда самый обычай шаривари въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ въ Бельгіи, называется *cognage*, т. е. трубленіе, отъ слова *cogne* — рогъ. Отсюда же и русское фигуральное выраженіе *трубить*, *протрубить*, въ смыслѣ разнести какую либо вѣсть въ обществѣ (258). у французовъ — *cogner*, у нѣмцевъ — *ausposaunen*, у англичанъ — *to trumpet* и т. д.

Итакъ, изъ прилагаемыхъ примѣровъ видно, что народъ въ разныхъ мѣстахъ Европы приравниваетъ бракъ между вдовыми къ мошенничеству, растовщичеству, кутежу, незаконному сожителству и другимъ несомнѣнно безнравственнымъ поступкамъ. А такъ какъ въ наше время бракъ вдовцовъ вовсе не считается безнравственнымъ, то значитъ, что онъ когда-то считался таковымъ, но взгляды народа на нравственность перемѣнились, а способъ карать лицъ безнравственнаго поведенія пережилъ свое время.

Это обстоятельство, по нашему мнѣнію, доказываетъ древность обычая шаривари, что подтверждаетъ также и его широкое распространеніе. Какимъ бы способомъ это распространеніе не совершилось, оно несомнѣнно требовало большой промежутокъ времени для своего осуществленія. Если же обычай шаривари принадлежитъ къ числу древнихъ, т. е. относится къ тѣмъ временамъ, когда на трубу смотрѣли съ уваженіемъ и не стали бы ею злоупотреблять, то значитъ, что въ старину на преступленія противъ общественной нравственности смотрѣли, какъ на дѣйствіе злого духа, и трубой старались отогнать его отъ преступника.

Обычай трубить періодически во второе (осеннее) полугодіе въ теченіи извѣстнаго промежутка времени.

Хотя обычай періодическаго трубленія въ осеннее полугодіе нами уже разсматривался выше, но мы выдѣлили здѣсь частый случай этого обычая въ отдѣльную главу и главнымъ образомъ, потому что ради него собственно собранъ нами весь этнографическій матерьялъ, вошедшій въ настоящую статью.

Записывая вѣрованья, обряды и обычаи отъ малороссовъ, бывшихъ уніатовъ, въ Бѣльскомъ и Радивскомъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, мы натолкнулись на обычай, поставленный въ заголовкѣ настоящей главы, который поразилъ насъ своею странностью, какъ по его внутреннему содержанію, такъ и потому, что въ матерьялахъ малороссійскихъ, бѣлорусскихъ и великорусскихъ, собранныхъ раньше, мы не нашли ничего къ нему подходящаго. Такъ какъ

обычай этотъ и его, повидимому, нерусское происхожденіе насъ заинтересовали, то намъ и пришлось обратиться за разъясненіемъ сначала къ этнографическому матеріалу ближайшихъ соседей: поляковъ и литовцевъ, а потомъ, расширяя все болѣе и болѣе область изслѣдованія, собрать все тѣ данныя, изъ которыхъ составилась настоящая статья. Часть ихъ мы почерпнули изъ этнографической литературы, а часть собрали сами занисываемъ отъ народа. Надо добавить, что въ настоящемъ случаѣ, кромѣ самаго обычая, нашъ интересъ возбуждали и другіе вопросы: во-первыхъ, общій вопросъ о томъ, какъ распространяются одни и тѣже вѣрованья среди различныхъ народныхъ группъ, а во-вторыхъ смутная надежда на то, что факты, нами собранные и еще неизвѣстные наукѣ, могутъ пролить свѣтъ на историческія судьбы заинтересованнаго насъ русскаго Забужья, или же укажутъ правильный путь къ такому рода изслѣдованіямъ. Насколько оправдались наши надежды, читатель увидитъ изъ послѣдующаго.

Начавши съ Радннскаго уѣзда Сѣдлецкой губ., мы прослѣдили районъ распространенія интересовавшаго насъ обычая во все стороны и старались по возможности опредѣлить его границы, чего намъ удалось достигнуть только отчасти, такъ какъ районъ этотъ оказался слишкомъ великъ для его полнаго изслѣдованія силами одного человѣка. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ мы не успѣвали ни малѣйшаго случая отмѣчать въ записную книжку: 1) тѣ села и деревни, въ которыхъ нашъ обычай существуетъ по настоящее время, 2) тѣ, въ которыхъ онъ былъ прежде, но уже оставленъ и 3) тѣ, въ которыхъ онъ вовсе неизвѣстенъ.

Во многихъ изъ этихъ мѣстностей мы побывали сами, о другихъ распространяли людей, тамъ живущихъ, живавшихъ прежде или только что отсюда уѣхавшихъ, изъ духовенства, помѣщиковъ и сельскихъ учителей, а, главнымъ образомъ, отъ крестьянъ, собиравшихся на базарахъ, ярмаркахъ и въ мѣстахъ богомолья. Кромѣ того намъ помогли въ этомъ дѣлѣ нѣкоторые изъ нашихъ знакомыхъ мѣстныхъ крестьянъ, не на шутку заинтересовавшихся вашимъ изслѣдованіемъ. И вотъ въ результатъ всего этого у насъ накопилось столько данныхъ, что оказалось возможнымъ составить карту, если не всего, интересовавшаго насъ района, то его центральной, наиболее известной намъ части. Карту эту и списокъ населенныхъ мѣстъ, о которыхъ были получены свѣдѣнія, мы прилагаемъ къ настоящей статьѣ.

Центръ нашего обычая находится приблизительно въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи около рѣки Буга и распространяется отсюда узкой лентой на сѣверо-западъ и на юго-востокъ. Въ Гродненской губ. мы нашли его въ уѣздахъ: Брестскомъ, Бѣльскомъ, Пружанскомъ, Кобринскомъ и Слонимскомъ. Самый обычай заключается здѣсь въ томъ, что молодежь мужскаго пола въ свободное время, чаще всего вечеромъ или ночью, трубигъ въ очень

длинную трубу въ теченіи всей осени, начиная съ того времени, когда окончена жатва и вывезенъ съ поля послѣдній снопъ и вплоть до наступленія зимы, т. е. до появленія перваго снѣгу. При этомъ строго наблюдается, чтобы кто-нибудь, сохрани Богъ, не началъ трубить раньше времени, что считается большимъ грѣхомъ. Если нетерпѣливая молодежь раньше опредѣленнаго срока издастъ хоть одинъ звукъ на трубѣ, то старшіе отбираютъ трубу и ломаютъ, иначе той деревнѣ, гдѣ это случилось, по ихъ мнѣнію, грозитъ неминуемое наказаніе отъ Бога. Исключеніе составляетъ только сѣверо-западный уголокъ Брестскаго уѣзда (Ратайчицкая волость), гдѣ начинаютъ трубить, не справляясь съ состояніемъ жатвы, а съ Ильина дня (20 Іюля), и продолжаютъ трубленіе, какъ и въ иныхъ мѣстахъ Гродненской губ., до наступленія холодовъ, по поводу чего въ этой мѣстности есть даже пословица: „Одъ Ильи бермса до трубы“. О цѣли, съ которой производится трубленіе, большинство крестьянъ отзывается незнаемъ, иначе прибавляютъ, что такъ ведется изстари, что обычай унаслѣдованъ отъ отцовъ и дѣдовъ, а что онъ дѣйствительно угоденъ Богу, видно изъ того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пробовали его „скасовать“ (уничтожить), но потомъ всегда за этимъ слѣдовали наказанія въ видѣ эпидемій, пожаровъ, неурожаевъ и проч.

На востокъ отъ Гродненской губ. тотъ же обычай намъ удалось прослѣдить въ уѣздахъ Шинскомъ и Мозырскомъ Минской губ. Онъ тамъ совершенно одинаковъ съ обычаемъ Гродненской губ., но причину, почему нельзя начинать трубленіе раньше окончанія жатвы, здѣсь объясняютъ тѣмъ, что труба „призываетъ зиму“, а потому, если приняться за нее раньше времени, то зима наступитъ раньше обыкновеннаго и будетъ суровая.

Въ с. Давыдъ—городкѣ Мозырскаго уѣзда, составляющемъ по всѣмъ признакамъ крайній восточный пунктъ распространенія нашего обычая, трубы тоньше и короче, чѣмъ въ Шинскомъ уѣздѣ и трубятъ на нихъ не взрослые парни, а ребятишки-подростки, осенью, когда пасутъ ковей и ночуютъ въ полѣ.

Въ Волынской губерніи обычай нашъ заходитъ въ сѣверную часть уѣздовъ: Ровенскаго, Ковельскаго и Луцкаго. Здѣсь трубятъ въ такія же длинныя трубы, какъ въ Гродненской и Минской губерніяхъ, но для трубленія не ждутъ окончанія жатвы, а сопровождаютъ имъ посѣвъ озимаго хлѣба для того, какъ выражаются здѣшніе крестьяне (с. Самари и Кортылисы Ковельскаго уѣзда), „шобы жито в рутылося въ трубу“.

На западъ отъ Гродненской губерніи тотъ же обычай продолжается за рѣку Бугъ въ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи: Бѣльскомъ, Влодавскомъ, Константиновскомъ и Радинскомъ, среди русскаго населенія такъ-называемаго Подляшья.

Въ Бѣльскомъ и Радинскомъ уѣздахъ нашъ обычай совершенно одинаковъ съ гродненскимъ. Трубить здѣсь преимущественно по вечерамъ и по ночамъ, но особаго какого-либо порядка въ этомъ трубленіи не существуетъ.

Кл
ко
тру
из
за
дѣ
сил
вен
дс
тру
мы
узн
нав
съ
таб
жат
пог
низа
Слов
въ д
пина
кабъ
босты
издѣл
сохран
фотогр
трубы,
онъ по
болѣе
что по
польско
званіе
„Шляхет
т. е. не
важтъ т
важись и
дажтъ не
не Гресту

Кто-нибудь из парней передъ окончаніемъ жатвы смастерить себѣ трубу и, когда жатва уже окончена, выйдетъ вечеркомъ на улицу, чтобы позабавиться трубой. На звукъ его инструмента выходятъ на улицу другіе парни и каждый изъ нихъ попроситъ у своего товарища поиграть на его трубѣ, чтобы показать или испытать свое искусство. Трубленіе не считается здѣсь богоугоднымъ дѣломъ и не имѣетъ ничего общаго съ религіей, сохраняется же просто въ силу привычки, а также потому, что игра на трубѣ при однообразіи деревенской жизни представляетъ собою очень веселое развлеченіе. Для молодыхъ деревенскихъ хлопцевъ всегда доставляетъ большое удовольствіе пользоваться трубою по ночамъ, какъ телеграфомъ: они перебликаются со своими знакомыми или пріятелями изъ сосѣднихъ деревень и по манерѣ трубить стараются узнать, кто именно изъ ихъ пріятелей трубить въ настоящую минуту. Начинаются объ этомъ разговоры, споры и т. д., что наполняетъ вечеръ вмѣстѣ съ соревнованіемъ въ музыкальномъ искусствѣ. Если же все это дѣлается, также какъ въ Гродненской губерніи, только въ урочное время отъ окончанія жатвы до начала зимы, то не изъ страха передъ Божьимъ наказаніемъ, а потому, что только въ это время старики дозволяютъ играть, а въ остальное визачто не позволяютъ трубить, а въ случаѣ непослушанія ломаютъ трубу. Словомъ, здѣсь трубятъ, потому что наступилъ для этого сезонъ, также какъ въ другихъ мѣстахъ маскируются исключительно во время святокъ.

Въ Раднскомъ уѣздѣ въ прежнія времена приготовляли на осень оригинальныя трубы гигантскихъ размѣровъ, изогнутыя и свлееныя изъ клубка, какъ швейцарскій Alpenhorn, но теперь такія трубы стали большою рѣдкостью, онѣ замѣнились „бляшаными“ (жестяными) покупными, жидовекаго издѣлія. Одна изъ такихъ старинныхъ трубъ, привезенная изъ села Береза, сохраняется въ Варшавскомъ этнографическомъ музеѣ и представлена нами въ фотографическомъ снимкѣ (табл. V, лит. А). Въ Бѣльскомъ уѣздѣ употребляются трубы, отличающіяся отъ Гродненскихъ, Минскихъ и Волынскихъ тѣмъ, что онѣ короче и слегка согнуты, а кромѣ того имѣютъ вставной мундштукъ изъ болѣе твердаго дерева, чѣмъ сама труба, т. е. это совершенно тоже самое, что польская лигавка, (смотри табл. IV, лит. А); различается эта труба отъ польской лигавки только своимъ русскимъ названіемъ труба. Польское названіе трубы лигавка, хотя извѣстно здѣшнимъ крестьянамъ, но считается „шляхетскимъ“. Трубятъ здѣсь не такъ, какъ настоящіе европейскіе трубачи, т. е. не серединой губъ, а ихъ углами, передъ игрой непременно размачиваютъ трубу въ водѣ, чтобы она набухла и чтобы слѣдовательно легче выдувались изъ нея звуки. Здѣшніе старики, которые какъ и вездѣ ревниво соблюдаютъ ненарушимость дѣдовскихъ обычаевъ, какъ мы уже говорили, вовсе не требуютъ отъ молодежи, чтобы она непременно трубила, но строго наблю-

даютъ, чтобы не было трубленія несвоевременнаго, т. е. до окончанія жатвы. Интересно при этомъ замѣтить, что картофель, какъ растеніе чужеземное, хлѣбомъ не считается и до окончанія его уборки трубятъ разрѣшается безпрепятственно.

Обычай трубленія во Влодавскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи, на границахъ съ Бѣльскимъ нѣсколько отличается отъ Бѣльского и Радинскаго, а именно, здѣсь не ждутъ полнаго окончанія жатвы и начинаютъ трубятъ, какъ только на полѣ появятся первыя копны сжатого хлѣба или какъ только убрана гречиха. Въ селѣ Любень и въ его ближайшихъ окрестностяхъ, т. е. въ самомъ центрѣ Влодавскаго уѣзда начинаютъ трубятъ не осенью, какъ въ другихъ селахъ уѣзда, а съ 20 Іюля (въ Ильинъ день), также какъ въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губ., и продолжаютъ до 1-го Октября (до Покрова). Трубы во Влодавскомъ уѣздѣ дѣлаются такія же какъ въ Бѣльскомъ, или же свертываются изъ бересты. Но мѣстами, такъ же, какъ и въ Радинскомъ уѣздѣ самодѣльные трубы уже замѣняются покупными изъ жести. Смыслъ періодическаго трубленія здѣшніе крестьяне объясняютъ тѣмъ, что звуки трубы разгоняютъ волковъ.

Во Константиновскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи только въ южной его части обычай трубленія такой же какъ въ Бѣльскомъ и Радинскомъ уѣздахъ, но уже въ селѣ Гуслевѣ русскій обычай смѣшанъ съ польскимъ, т. е. трубятъ осенью по окончаніи жатвы по русски, а кромѣ того трубятъ еще въ теченіи всего Филиповскаго поста (Адвента) по польски. Въ селѣ Журавлевка (гмины Гуслевъ) и далѣе на сѣверъ обычай уже исключительно польскій, хотя населеніе въ этихъ мѣстахъ еще русское (бывшіе униаты). Труба здѣсь остается таже самая, что и въ Бѣльскомъ уѣздѣ, но тамъ, гдѣ соблюдается обычай трубленія польскій, принято и трубу называть по польски, т. е. лигавкой.

Если въ вышеперечисленныхъ мѣстностяхъ съ русскимъ населеніемъ, какъ было уже говорено, обычай трубленія сохраняется, какъ переживаніе отдаленнаго прошлаго и неимѣетъ почти никакого отношенія къ современной христіанской религіи, то нельзя этого же сказать и о мѣстностяхъ Сѣдлецкой, Ломжинской и Варшавской губ., въ которыхъ сохранился обычай ежегоднаго періодическаго трубленія. Повидимому, въ дѣлѣ соблюденія сказаннаго обычая у поляковъ потрудились польское духовенство. Прежде всего хотя у поляковъ и сохранился обычай періодическаго трубленія осенью, но сроки его начала и окончанія вполне согласованы съ католическимъ календаремъ: трубятъ въ продолженіи всего Рождественскаго поста и кончаютъ въ Рождественскій сочельникъ (по польски „Вилія“) передъ началомъ обѣдни, которая у поляковъ называется „Пастэркой“ (пастушеской). Кромѣ того, какъ намъ при-

ходило на
между крест
Такъ, въ сло
что „Варша
быль больш
овъ былъ е
то во врем
молодежь со

Кромѣ
лецкой губ.
отъ деревен
лень: но м
они трубили
давше нам
ксендза за
нѣкъ и въ
обратился
стороны гра
и не стану

Во э
какъ намъ
не считать
различаетс
нія— „лига
не встрѣчал
зокъ къ ру
не можетъ

Начи
въ уѣзды
этихъ уѣзд
собов по п
шееса, а во
западъ, тот
нѣ, въ уѣ
наетъ здѣ
уѣздахъ Л
исключитель
нѣстностяхъ

ходилось наблюдать, польское духовенство вообще поддерживает этот обычай между крестьянами, ибо находить его вполне совместимым съ католичествомъ. Такъ, въ словарѣ польскихъ древностей мы находимъ замѣтку по поводу лигавки, что „Варшавскій архіепископъ Хоромановскій, умершій въ 1838-мъ году, былъ большимъ любителемъ поэтического обычая трубить въ лигавку. Когда онъ былъ еще приходскимъ священникомъ въ с. Заборахъ (около г. Ломжи), то во время „Пастерки“ (обѣдни въ канунъ Рождества) вся приходская молодежь собиралась на кладбище и трубила въ „лигавки“.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ селахъ съ польскимъ населеніемъ въ Сѣдлецкой губ., на нашъ вопросъ: трубятъ ли здѣсь въ „лигавку“? мы получали отъ деревенской молодежи отвѣтъ, что обычай этотъ былъ здѣсь уже оставленъ: но мѣстный приходскій ксендзъ потребовалъ отъ прихожанъ, чтобы они трубили въ Рождественскомъ посту, какъ это было въ старину. Передавшіе намъ этотъ фактъ, повидимому, были очень недовольны на своего ксендза за то, что онъ искусственно возобновляетъ обычай, отжившій свой вѣкъ и въ настоящее время неимѣющій никакого смысла. Одинъ изъ нихъ обратился даже въ намъ съ вопросомъ: не грозитъ ли имъ опасность со стороны гражданскаго начальства, если они не исполняютъ требованіе ксендза и не станутъ трубить?

Въ этомъ сближеніи польскаго обычая трубленія съ современной религіей, какъ намъ кажется, и заключается главное его отличіе отъ русскаго, если не считать того, что у поляковъ, также какъ и у галицкихъ гуцуловъ, различаются двѣ трубы: одна — назначаемая только для обрядоваго трубленія — „лигавка“, а другая „тромба“ — пастушеская иного устройства, чего мы не встрѣчали у русскихъ. Во всемъ остальномъ польскій обычай такъ близокъ къ русскому, что въ происхожденіи ихъ обоихъ изъ одного источника не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Начинаясь въ Константиновскомъ уѣздѣ, нашъ обычай переходитъ затѣмъ въ уѣзды Соколовскій и Венгровскій Сѣдлецкой губерніи. Въ первомъ изъ этихъ уѣздовъ населеніе состоитъ изъ бывшихъ униатовъ, говорящихъ между собою по польски, а слѣдовательно бывшее когда-то русскимъ, но ополячившееся, а во второмъ — чисто польское. Далѣе, по направленію на сѣверо-западъ, тотъ же обычай переходитъ черезъ р. Бугъ въ Ломжинскую губернію, въ уѣзды Мазовецкій, Островскій, Ломжинскій и Остроленскій. Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что въ Венгровскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ. и въ уѣздахъ Ломжинской губ. обычай трубленія въ „лигавку“ мы встрѣчали исключительно только у шляхты (мелкаго дворянства), живущей въ этихъ мѣстностяхъ въ деревняхъ сплошною массой. Впрочемъ, мы не можемъ все-

таки поручиться, что гдѣ-нибудь въ тѣхъ же мѣстностяхъ нельзя его найти и у простыхъ крестьянъ.

Изъ Ломжинской губ. обычай съ „лигавками“ распространяется еще далѣе на западъ въ Пултусскій уѣздъ Варшавской губерніи, гдѣ и кончается. Но если отъ прослѣженной нами полосы подвинуться на югъ, то мы увидимъ, что здѣсь среди чисто польскаго населенія нашъ обычай снова подвергается измѣненію. Въ сѣверной и въ средней части Сѣдлецкаго уѣзда „лигавокъ“ вовсе не знаютъ, въ южной же части послѣ перерыва въ нѣсколько десятковъ верстъ, начиная съ села Мрочна, мы снова встрѣчаемъ „лигавки“ и обычай трубленія въ нихъ, но только уже не въ Рождественскомъ посту, а раньше, отъ 7-го сентября, т. е. съ кануна Рождества Богородицы (по польски праздника „Матки Боски сѣвной“) и до кануна Рождества Христова. Этотъ обычай представляетъ собой какъ-бы переходъ отъ русскаго обычая къ чисто польскому, во первыхъ потому, что онъ, также какъ и русскій, имѣетъ связь съ жатвой и посѣвомъ, чего обычай Ломжинской губерніи вовсе не имѣетъ, а во вторыхъ, онъ начинается раньше, чѣмъ въ Ломжинской губ., т. е. почти въ то же время, какъ и русскій. Такой обычай соблюдается въ юго-западномъ углу Сѣдлецкаго уѣзда, въ сѣверной части Луковскаго и въ Новоминскомъ уѣздѣ Варшавской губ.

Наконецъ въ восточной части Гарволинскаго уѣзда Сѣдлецкой губ. обычай трубленія снова измѣняется: здѣсь трубятъ въ теченіе всего Рождественскаго поста, какъ въ Ломжинской губ., но на Рождествѣ не кончаютъ трубить, а продолжаютъ во весь такъ называемый „карнавалъ“, т. е. вплоть до начала Великаго поста. Самая труба, служащая въ этой мѣстности при исполненіи обычая, совершенно такая же какъ въ Ломжинской губ., но названіе ея произносится не лигавка, а легавка.

Вотъ и вся область распространенія нашего обычая. Намъ остается только болѣе подробно прослѣдить ея границы. Пройти эти границы, мы не имѣли возможности, а потому намѣтили лишь нѣсколько граничныхъ пунктовъ и собрали свѣдѣнія о томъ, гдѣ изслѣдуемый нами обычай вовсе неизвѣстенъ. Разумѣется, при такомъ способѣ изслѣдованія у насъ получилось множество пробѣловъ и давняя, нами собранная, конечно далеко не исчерпали вопроса.

И такъ начнемъ съ восточной границы. Здѣсь мы уже намѣтили конечный пунктъ распространенія нашего обычая, с. Давыдъ-Городокъ Мозырскаго уѣзда (на р. Горыни, близъ впаденія ея въ Припеть). На востокъ отъ этого пункта въ с. Туровѣ и въ г. Мозырѣ съ ихъ ближайшими окрестностями не только не знаютъ обычая трубить, но даже вовсе не имѣютъ деревянныхъ трубъ. Трубы изъ воловьихъ роговъ употребительны въ этихъ мѣстностяхъ только у цастуховъ и только тамъ, гдѣ сохранялись большіе

лѣса, т.
въ гор.
тѣмъ въ
трубятъ.
цастухи,
всякихъ
напрязу
От
ныска
слѣдить.
Минской
окрестно
извѣстно
намъ у
Бѣлостов
Еш
Буга, но
мы не з
Ломжинск
намѣтитъ
Остролени
у которой
(таба) у
Въ
но если
нашъ зах
губ.; въ
окрестност
правляется
въ ближа
удалось д
не переход
говорили
году въ
Гдѣ
не знаемъ
сѣверной
которыхъ л
нашего об

лѣса, т. е. далеко въ сторону отъ береговъ Припечи. Еще далѣе на востокъ, въ гор. Рѣчицѣ Минской губ. (на р. Днѣпрѣ), о трубѣ слышно еще менѣе, чѣмъ въ г. Мозырѣ. Въ самой Рѣчицѣ въ „бляшаную“ (жестяную) трубу трубятъ, по словамъ городскихъ мѣщанъ, только „панскіе“, т. е. помѣщичьи пастухи, „а нашъ и жидовскій скотъ“, добавляли рассказчики, „пасется безъ всякихъ трубъ“. Трубы у пастуховъ они приписывали какой-то блажи или капризу помѣщиковъ.

Отъ с. Давыдъ-Городокъ на сѣверо-востокъ до уѣзднаго города Волковыска Гродненской губ. границу обычая съ трубами намъ не удалось прослѣдить. Мы знаемъ только, что въ Минскомъ и Борисовскомъ уѣздахъ Минской губ. нашего обычая нѣтъ. Въ г. Волковыскѣ и его ближайшихъ окрестностяхъ, гдѣ намъ приходилось бывать, употребленіе трубы вовсе неизвѣстно; какъ на ближайшіе отсюда пункты, въ которыхъ труба признана, намъ указывали съ одной стороны на Слонимскій уѣздъ, а съ другой на Бѣлостокскій уѣздъ Гродненской губ.

Еще далѣе на западъ мы прослѣдили границы обычая только до р. Буга, но есть ли онъ за р. Бугомъ и далеко ли тамъ продолжается къ сѣверу мы не знаемъ. Точно также мы не знаемъ гдѣ онъ кончается на сѣверъ отъ Ломжинской губ. Только въ одномъ мѣстѣ намъ удалось совершенно точно намѣтить граничный пунктъ нашего обычая, — это на р. Наревѣ возлѣ г. Остроленки Ломжинской губ. Здѣсь на лѣвой сторонѣ рѣки живетъ шляхта, у которой есть лигавки, а на правой — курьи-крестьяне, у которыхъ труба (traba) употребляется только пастухами.

Въ Пултусскомъ уѣздѣ Варшавской губ. мы не знаемъ точной границы, но если направиться отсюда на юго-востокъ, то увидимъ, что здѣсь обычай нашъ захватываетъ только восточный край Радзиминскаго уѣзда Варшавской губ.; въ деревняхъ Рувнэ, Страхувка и Боруча, а также въ ближайшихъ окрестностяхъ гор. Радзимины уже лигавокъ не знаютъ. Далѣе граница направляется на деревни Ариновъ и Цыганка Новоминскаго уѣзда, а отсюда къ ближайшимъ окрестностямъ гор. Гарволина Сѣдлецкой губ. Здѣсь намъ удалось даже прослѣдить, что западнѣе Варшавско-Люблинскаго шоссе обычай не переходитъ, за исключеніемъ развѣ городка Градиска, о которомъ мы говорили выше, и въ которомъ крестьяне трубятъ только одинъ вечеръ въ году въ канунъ Ивана Купала, или по здѣшнему „Светѣго Яна“.

Гдѣ кончается этотъ обычай на югъ отъ г. Гарволина, мы не знаемъ, не знаемъ также ничего о Вуковскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ., за исключеніемъ сѣверной его части, т. е. деревень: Ягодна, Ружа, Вулька и Правда, въ которыхъ лигавки извѣстны. Сѣдлецкій уѣздъ, такимъ образомъ, въ отношеніи нашего обычая представляетъ какъ-бы оазисъ, внутри котораго лигавки не-

известны. Граничные пункты этого оазиса намъ удалось прослѣдить 1) въ деревнѣ Воевудва въ окрестностяхъ гор. Сокалова, 2) въ дер. Суходоль Венгровскаго уѣзда (по шоссе изъ г. Венгрова въ гор. Сѣдлецъ) и 3) въ дер. Олесница по Сѣдлецко-Гарволинскому шоссе.

Что касается мѣстностей южнѣ Радинскаго и Влодавскаго уѣздовъ Сѣдлецкой губ., то по словамъ нѣкоторыхъ учителей, тамъ служившихъ, нашъ обычай не переходитъ южной границы названныхъ уѣздовъ, а по словамъ другихъ, заходитъ даже въ сѣверную часть Холмскаго уѣзда Люблинской губ., но распространяется не сплошь, а спорадически и почему-то только въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ пахутъ землю не на лошадяхъ а на волахъ. Но мы знаемъ навѣрное, что въ ближайшихъ окрестностяхъ гор. Холма, обычай трубить неизвѣстенъ вплоть до самой Австрійской границы, но, какъ намъ случилось записать отъ крестьянъ села Туромля Грубешовскаго уѣзда, тамъ есть вѣрованье, весьма близкое къ Гродненскому, что „нельзя играть ни на какомъ музыкальномъ инструментѣ во все время отъ начала посѣва яровыхъ хлѣбовъ до окончанія уборки всего хлѣба съ поля“.

На востокъ отъ гор. Холма и до Луцкаго уѣзда Волынской губ. граница обычая намъ неизвѣстна, но въ этомъ послѣднемъ уѣздѣ мы намѣтили два пункта: 1) село Полицы (возлѣ Колокъ), гдѣ обычай такой же какъ въ Гродненской губ. и 2) с. Борохово, въ которомъ обычай съ трубой неизвѣстенъ, но существуетъ вѣрованье, подобное Грубешовскому, что „нельзя играть ни на какомъ музыкальномъ инструментѣ отъ того времени, когда хлѣбъ въ полѣ уже созрѣлъ, и до тѣхъ поръ, пока не закончится его уборка“.

Въ Ковельскомъ уѣздѣ Волынской губ. намъ случилось быть въ селѣ Заболоты. Здѣсь трубъ вовсе не употребляютъ, но указываютъ на двѣ ближайшія мѣстности, гдѣ существуетъ обычай каждую осень трубить въ длинныя деревянныя трубы, это — 1) село Ляховцы Брестскаго уѣзда Гродненской губ. и 2) мѣстность, известная здѣсь подъ названіемъ „Ветельщины“, къ которой принадлежатъ села: Самары и Кортылисы, расположенныя всего только въ 3-хъ верстахъ отъ границы Гродненской губ.

Такимъ образомъ южная граница нашего обычая, повидимому, начиная отъ рѣки Буга, вдается угломъ въ Луцкій уѣздъ, а далѣе на востокъ почти совпадаетъ съ границей Волынской губ. Въ уѣздахъ: Острожекомъ, Заславльскомъ и Новоградъ-Волынскомъ Волынской губ., гдѣ намъ случилось бывать во многихъ деревняхъ и селахъ и собирать этнографическій матеріалъ, не только не знаютъ трубы, но даже и не слышали, гдѣ существуютъ трубы. Но въ Ровенскомъ уѣздѣ, гдѣ многіе крестьяне ходятъ на заработки по сплаву лѣса рѣками Горынью и Случемъ, рѣдкій не видалъ длинныхъ трубъ. Полѣсья и не слыхалъ игры на нихъ во время своихъ поѣздокъ на плотахъ,

но все они указываютъ на обычай трубить какъ на признакъ Полѣшука. Ровенскій уѣздъ мы проѣхали на лошадяхъ отъ с. Нѣмовичи и до м. Высоцка и нигдѣ интересующаго насъ обычая съ трубами не нашли. Только отъ Высоцкаго помѣщика мы слышали, что труба въ этихъ мѣстностяхъ считается самымъ вѣрнымъ признакомъ, по которому можно отличить полѣшука отъ малоросса и что въ селѣ Гупковѣ, около м. Людвиполя (гдѣ намъ самимъ не случилось побывать) существуетъ рѣзкая граница между полѣшуками и малороссами, которая обнаруживается въ различіи построекъ, костюма и обычаевъ, а между прочимъ и въ обычай трубить осенью въ длинныя трубы, какого нѣтъ у малороссовъ.

Такимъ образомъ мы видимъ передъ собой обычай весьма древній, который неизвѣстенъ ни малороссамъ-украинцамъ, ни бѣлоруссамъ, ни великороссамъ, но въ которомъ, разсматриваемая нами отрасль русскаго народа сходится съ поляками. Первое, что можетъ придти въ голову при разсматриваніи очерченнаго нами района, это то, что онъ входилъ когда-то въ составъ бывшаго литовско-русскаго государства и что въ Сѣдлецкой губерніи кромѣ того историки указываютъ на слѣды нынѣ исчезнувшаго литовскаго племени ятвяговъ. А потому мы и обратились въ литовскому этнографическому матерьялу. И дѣйствительно у литовцевъ-язычниковъ мы находимъ вѣчто подобное: во время ежегодно совершавшагося общественнаго жертвоприношенія, которое бывало въ концѣ года (т. е. въ мартѣ мѣсяцѣ), собирались 4—6 деревень и на общій счетъ покупали быка или козла; жрецъ читалъ надъ жертвеннымъ животнымъ молитвы, затѣмъ животное закалывали, варили и ѣли вмѣстѣ съ лепешками, изготовленными изъ общественной муки. Пиръ продолжался цѣлую ночь и сопровождался пѣснями и игрой на длинныхъ трубахъ (259). Уже и здѣсь замѣтно нѣкоторое сходство литовскихъ обычаевъ съ обычаемъ, нами только - что разсмотрѣннымъ, но еще болѣе и несомнѣннѣ замѣчается такое сходство, если мы приведемъ описаніе языческаго торжества древнихъ литовцевъ въ такъ называемый Великій праздникъ. Торжество это справлялось ежегодно непременно осенью, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, по окончаніи жатвы, въ честь бога земли и земледѣлія „Земеника“ (Ziemienika или kurko, kurchus). Отъ воли этого божества, по вѣрованью литовцевъ, зависѣли урожаи, оно считалось защитникомъ домовъ и всего края и олицетворялось въ видѣ ужа или какого-нибудь другого фетиша. Въ день его празднества, считавшагося самымъ главнымъ въ году, народъ собирался въ какую-нибудь одну деревню съ цѣлой округи, причемъ каждый несъ съ собою все, что могъ, чтобы принести въ жертву божеству. Въ самой обширной изъ деревенскихъ построекъ, посрединѣ ея, помѣщался большой столъ, накрытый скатертями. По четыремъ угламъ стола ставили

большіе открытые сосуды съ пивомъ. Затѣмъ приводили жертвы, состоявшія изъ первыхъ плодовъ текущаго года: теленка съ телкой, барана съ овцой, гуся съ гусыней и т. д. Жрецъ совершалъ тѣ моленія, которыя слѣдовали по обычаю, послѣ чего связанныхъ животныхъ избивали палками, чтобы не пролить капли крови. При этомъ всѣ присутствующіе выкрикивали: „Земеникъ богъ нашъ. Приносимъ тебѣ жертву и благодаримъ за то, что въ прошлые годы ты давалъ намъ здоровье и въ изобиліи всякаго добра, хлѣба и имущества, охранялъ насъ отъ огня, желѣза, мороваго повѣтрія и отъ всѣхъ бѣдъ нашихъ“. Послѣ того убитыхъ животныхъ варили, жарили и приготовляли изъ нихъ разныя кушанья. Усѣвшись за столъ, жрецъ бралъ частичку каждаго блюда и бросалъ въ разные углы дома, приговаривая: „это тебѣ, Земеникъ, богъ нашъ. Соблаговоли принять наши жертвы и милостиво отвѣдать нашихъ кушаній“. Тоже самое повторялось и съ напитками. Въ теченіи цѣлаго торжества пѣли пѣсни и играли на длинныхъ трубахъ, что продолжалось непрерывно цѣлую ночь (260). Впрочемъ божеству, въ честь котораго справлялся такой праздникъ, поклонялись не одни литовцы, у латышей оно было извѣстно подъ именемъ Zeemneeks. Онъ также считался защитникомъ дома и всякаго имущества, его называли Mahjas kungs, т. е. господинъ дома, хозяинъ. Праздникъ его справлялся также осенью, причѣмъ ему приносилась жертва изъ первыхъ плодовъ хозяйства. У литовскаго племени Прусовъ онъ также былъ однимъ изъ главныхъ боговъ. Ему былъ построенъ знаменитый въ свое время храмъ, въ которомъ горѣлъ неугасимый огонь и стояла статуя божества. Статую эту ежегодно подъ праздникъ (осенній) разбивали и затѣмъ воздвигали вза-мѣнъ ея новую (261).

Эти данныя изъ этнографическаго матерьяла литовскаго народа указываютъ прежде всего, что странный обычай западной отрасли русскаго племени, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящей главѣ, ведетъ свое происхожденіе отъ язычества; во вторыхъ, онѣ свидѣлствуютъ о близости языческихъ вѣрованій у древнихъ литовцевъ и той части русскаго народа, которая входила когда-то въ составъ бывшаго литовскаго княжества или жила съ нимъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ. Дѣйствительно: тѣ и другіе имѣли обычай трубить въ длинныя деревянныя трубы, тѣ и другіе трубили осенью, у тѣхъ и другіхъ обычай трубленія имѣлъ отношеніе къ земледѣлію. Все это при близкомъ сосѣдствѣ и при несомнѣнно существовавшихъ сношеніяхъ русскаго народа съ литовскимъ съ самыхъ древнихъ временъ совершенно естественно, въ особенности, если принять во вниманіе, что часть литовскаго племени слилась, какъ полагаютъ, съ предками нынѣшнихъ малороссовъ Сѣдлецкой губерніи.

Но оказ
сохранил
Царевон
болѣе т
За
бить у
отъ солд
ской во
деревянн
которой
сосѣдним
бавилъ
пока вес
очень хо
важности
музыкаль
русскаго
сосѣдствѣ
ресь. По
ченія въ
обрядъ на
у черемис
объ обряд
братомъ,
„Здѣ
щественно
обрядности
губерніи, п
обрядностей
для изгнан
черемисовъ,
лагается, чт
уходить от
думаютъ, ч
во время лѣ
вается: „п у
отъ нашеств
продолжается
ванью черемис

Но оказывается, что близкій къ русскому и литовскому обычаямъ съ трубой сохранился до настоящаго времени не только у литовцевъ, но и у черемисъ Царевококшайскаго уѣзда Казанской губерніи. Такая близость уже гораздо болѣе трудно объяснима съ исторической точки зрѣнія.

Задолго до того времени, какъ мы узнали о существованіи обычая трубить у русскихъ и поляковъ, лѣтъ 8 тому назадъ намъ случилось записать отъ солдата изъ черемисовъ Уржумскаго уѣзда Вятской губерніи Караксалинской волости дер. Нижняго Кижляя, что у нихъ въ деревнѣ существуетъ деревянная труба аршина въ $1\frac{1}{2}$ длиною, называемая „палтэм пут“, на которой черемисскія дѣвушки играютъ осенью по вечерамъ, перекликаясь съ сосѣдними деревнями. Солдатъ, отъ котораго мы записали это свѣдѣніе, прибавилъ тогда, что играть на трубѣ у нихъ не дозволяется до тѣхъ поръ, пока весь хлѣбъ не убранъ съ поля, а иначе, какъ они думаютъ, зима будетъ очень холодная. Въ то время мы не придали сообщенію черемиса никакой важности, такъ какъ насъ интересовали не обычай съ трубой, а вообще народные музыкальные инструменты. Но теперь, когда такой же обычай оказался и у русскаго народа и притомъ у той его части, которая живетъ далеко не въ сосѣдствѣ съ черемисами, рассказъ черемиса получилъ для насъ большой интересъ. Позже мы узнали, что Нижній Кижляй вовсе не составляетъ исключенія въ ряду другихъ черемисскихъ селъ и деревень: нами былъ уже описанъ обрядъ изгнанія бѣсовъ, практикующійся во время празднованія „Сюрэма“ у черемисъ Царевококшайскаго уѣзда. Здѣсь остается еще добавить свѣдѣнія объ обрядахъ съ трубой у черемисовъ того же уѣзда, присланныя мнѣ моимъ братомъ, живущимъ въ той мѣстности.

„Здѣсь, пишетъ мнѣ братъ, трубятъ исключительно мужчины и преимущественно пожилые. Трубы имѣются двухъ сортовъ: однѣ для исполненія обрядности, другія—пастушескія (совершенно какъ у поляковъ Ломжинской губерніи, прибавимъ мы отъ себя, которые имѣютъ лигавки — трубы для обрядностей и тромбы—трубы пастушескія). Въ первыя изъ нихъ трубятъ для изгнанія такъ называемыхъ „кереметей“ (бѣсовъ, которые, по вѣрованію черемисовъ, заносятъ изъ деревни въ деревню различныя болѣзни). Предполагается, что „кереметь“, слышавши въ какой-нибудь деревнѣ трубный звукъ, уходитъ оттуда и уже никогда болѣе не возвращается. Во вторыхъ, черемисы думаютъ, что трубными звуками они приносятъ благодарность Богу за помощь во время лѣтнихъ работъ. Обрядъ изгнанія бѣсовъ трубою по черемисски называется: „пуцом пуалташъ цэр тодмолец“ т. е. „трубить въ трубу отъ нашествія нечистаго духа“. Трубленіе начинается послѣ заката солнца и продолжается только до полуночи, до первыхъ пѣтуховъ. Керемети, по вѣрованью черемисовъ, могутъ причинять имъ вредъ только въ это время. Въ

трубы трубятъ осенью, начиная съ 16-го Августа и до Филиппова поста, трубятъ же въ остальное время считается величайшимъ грѣхомъ, за который Богъ непременно покараетъ или смертью или ударомъ молніи, бездождіемъ, голодомъ или сильнымъ вѣтромъ въ лѣтнее время. Для трубленія выходятъ на улицу, ибо въ избѣ отнюдь трубить не дозволяется. Труба по черемисски называется „пудо“, надъ нею дѣлаются наговоры, а потому давать потрубить въ нее человѣку постороннему, а въ особенности подозрѣваемому въ колдовствѣ считается очень опаснымъ. Трубленіе осенью передъ посѣвомъ производится обыкновенно въ роговую трубу и практикуется на чердакѣ или сѣновалѣ. Трубятъ тогда цѣлую ночь, выдѣлывая на трубѣ различныя рулады, причемъ для измѣненія тоновъ вкладываютъ два пальца въ разтрубъ рожка и перебираютъ ими. Трубить въ такой рожокъ очень трудно, а потому, протрубивши цѣлую ночь, черемисинъ слѣзаетъ съ сѣновала въ полномъ изнеможеніи, какъ будто разбитый“.

Въ заключеніе о черемисахъ намъ необходимо передать о томъ, какъ справляется у нихъ самый важный въ году праздникъ ихъ „Сюрэм“. Праздникъ этотъ въ Царевококшайскомъ уѣздѣ справляется или въ самый Петровъ день или въ одинъ изъ ближайшихъ, за нимъ слѣдующихъ дней, преимущественно въ понедѣльникъ. По описанію священника О. Яковлева, послѣ полудня въ назначенное мѣсто въ полѣ съѣзжаются черемисы со всего окрестка и привозятъ съ собой узелки съ кушаньями, а жители ближайшихъ деревень выносятъ туда же столы. Кушанья разставляютъ по столамъ и начинается моленіе надъ ними. Молящіеся призываютъ имена боговъ, причемъ снимаютъ шапки и прикладываютъ ихъ три раза къ груди, кланяются и три раза приподнимаютъ со стола чашки съ вѣдой. Затѣмъ слѣдуетъ пиръ, а по окончаніи его благодарственная молитва. Во все время моленія и пира играютъ на трубахъ, а молодежь, пріѣхавшая верхомъ, устраиваетъ состязательныя скачки и въ заключеніе три раза объѣзжаетъ вокругъ молящейся толпы. Этимъ заканчивается моленіе и всѣ разъѣзжаются по домамъ (262).

Если сравнивать черемисскіе обряды и обычаи, соединенные съ трубой, съ обычаями литовцевъ, поляковъ и русскихъ въ вышеописанномъ районѣ, то сходство тѣхъ и другихъ окажется поразительнымъ. Здѣсь, также, какъ у поляковъ Ломжинской губерніи, различаютъ трубу для обрядностей отъ пастушеской, также, какъ у русскихъ нельзя трубить, пока хлѣбъ не убранъ съ поля и несвоевременное трубленіе, по вѣрованью народа, должно отразиться на наступающей зимѣ. Также какъ у русскихъ, поляковъ и литовцевъ главнѣйшіе обряды съ трубой совершаются осенью или вообще во второе (осеннее) полугодіе. Также какъ у поляковъ трубленіе разгоняетъ злыхъ духовъ и является богоугоднымъ дѣломъ, также какъ у русскихъ и у литовцевъ труб-

леніе произ-
межутка въ
мисскаго
праздника
на
также соот-
Объяс-
не живущи
представляе
мы не имѣ
то бывшем
лится для
нашей этно
что черемис
племени пер
своего мѣст
гавшимся п
ложеніямъ,
скихъ плем
Московской
мисское
Словомъ этн
не можетъ п
Несравненно
дахъ между
евреевъ мы
лось какихт
здѣсь, рѣчь
стіанскимъ,
фактовъ.

Данныя
вашихъ знак
въ Волинской
о русскихъ е
Къ нимъ мы
Трублен
нается только
бать въ перво
на горѣ Сина

леніе производится ночью и продолжается въ теченіе довольно длиннаго промежутка времени (2 мѣсяца). Кромѣ того общественное празднованіе черемисскаго „Сюрема“ очень напоминаетъ празднованіе литовцами ихъ „Великаго праздника“: онъ также приходится въ осеннее полугодіе, также устраивается на общій счетъ, изъ припасовъ, приносимыхъ каждымъ изъ молящихся, также сопровождается игрою на прямыхъ деревянныхъ трубахъ.

Объясненіе такой общности въ обрядахъ и обычаяхъ между народами, не живущими между собою въ ближайшемъ сосѣдствѣ, какъ мы сказали раньше, представляется довольно труднымъ съ исторической точки зрѣнія. Но хотя мы не имѣемъ историческихъ фактовъ о непосредственномъ сосѣдствѣ, когда то бывшемъ между литовцами и черемисами, однако оно не можетъ представляться для насъ слишкомъ неожиданнымъ и поразительнымъ, такъ какъ въ нашей этнографической литературѣ уже не разъ высказывалось предположеніе, что черемисы, мордва, вотяки и другіе наши восточные инородцы финскаго племени передъ началомъ русской исторіи жили гораздо западнѣе теперешняго своего мѣстожителства и были отсюда вытѣснены русскимъ народомъ, подвигавшимся при своей колонизаціи съ юга на сѣверъ. Къ такого рода предположеніямъ, насколько намъ помнится, было немало поводовъ: 1) остатки финскихъ племенъ въ Тверской губерніи, 2) финскія названія мѣстностей въ Московской губерніи, 3) нѣмецкія слова въ языкѣ восточныхъ финновъ (черемисское „тейторъ“ — дочь, пермяцкое „зон“, „зонва“ — сынъ) и т. под. Словомъ этнографическая близость между восточными финнами и литовцами не можетъ представляться для насъ ни неожиданной, ни особенно поразительной. Несравненно поразительнѣе сходство въ тѣхъ же интересующихъ насъ обрядахъ между литовцами и евреями. Заимствованіе чего либо литовцами отъ евреевъ мы легко могли бы допустить и объяснить себѣ, еслибы дѣло касалось какихъ-нибудь христіанскихъ обрядовъ или обычаевъ, но когда, какъ здѣсь, рѣчь идетъ объ обычаяхъ очевидно относящихся ко временамъ дохристіанскимъ, приходится отказаться отъ какихъ-либо историческихъ объясненій фактовъ.

Данныя объ обычаяхъ съ трубою у евреевъ мы собрали сами распросами у нашихъ знакомыхъ евреевъ, знающихъ обычаи своего народа, въ Варшавѣ и въ Волынской губерніи, а также воспользовались этнографическимъ матеріаломъ о русскихъ евреяхъ, собраннымъ у Чубинскаго („Труды экспедиціи... т. 7). Къ нимъ мы теперь и обратимся.

Трубленіе въ „шоферъ“ (бараній рогъ) у современныхъ евреевъ совершается только разъ въ году осенью. Библия предписывала древнимъ евреямъ трубить въ первое число 8-го мѣсяца въ воспоминаніе объ ангелахъ, трубившихъ на горѣ Синай. Начало седьмаго мѣсяца приходится около нашего 5-го Сен-

тября. Въ этотъ день современные евреи празднуютъ свой Новый годъ (Рошъ-Гашана, по Чубинскому, или Рошъ-Ашуна по произношенію Варшавскихъ евреевъ), хотя у древнихъ евреевъ Новый годъ долженъ былъ справляться въ началѣ не седьмого, а перваго мѣсяца, т. е. въ Мартѣ. Праздникъ продолжается 10 дней и заканчивается „Суднымъ днемъ (Іомъ-Кипуръ) (263).

Г. Брафманъ въ своей „книгѣ кагала“ такъ описываетъ празднованіе современными евреями Новаго года:

„Во время существованія іудейскаго царствованія храмъ, оглушенный гимнами левитовъ и радостными звуками священныхъ трубъ, открывалъ днемъ Рошъ-Гашана 10-ти дневный періодъ, въ которомъ народъ, духовенство и даже самая святыня очищались и приготавлились къ великому народному торжеству, къ тому именно моменту, когда въ послѣдній и самый важный день этого праздника, Іомъ-Кипуръ, разверзались передъ первосвященникомъ, недоступныя для него въ теченіе всего года, двери Святая Святыхъ, и онъ, войдя туда съ искупительными дарами приносилъ оттуда народу прощеніе и благоволеніе Іеговы... Въ настоящее время, также по закону Моисееву, внѣ Іерусалима и внѣ стѣнъ храма, должное служеніе не можетъ быть совершаемо, а потому представители народа еврейскаго ввели такъ называемую мусафъ, синагольное служеніе, открываемое обрядомъ Текіотъ-Шоферъ—трубленіемъ въ рогъ... Согласно народному вѣрованію, въ этотъ день Іегова подтверждаетъ все то, что было предначертано каждому еврею въ Рошъ-Гашанъ. Если человѣкъ, которому былъ предначертанъ горькій жребій на будущій годъ, не успѣлъ во время періода покаянія исправить приговоръ, то по прошествіи Іомъ-Кипура уже поздно“.

Трубленіе въ шоферъ у современныхъ, по крайней мѣрѣ у русскихъ евреевъ, начинается ежегодно съ 1-го числа мѣсяца Элюля, предшествующаго Новому году. Оно совершается въ синагогѣ ежедневно, за исключеніемъ субботъ, при началѣ утренней молитвы. Трубачъ выдуваетъ при этомъ только одну Такію (объясненіе смотр. выше). Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить, что ежедневнаго трубленія въ теченіе цѣлаго мѣсяца требуетъ отъ евреевъ не Библия и не Талмудъ, а народный неписанный обычай. Только, начиная съ перваго дня Новаго года трубятъ согласно предписанію Талмуда. Вышеописанный порядокъ трубленія, кромѣ мѣсяца Элюля, продолжается и въ началѣ мѣсяца Тишри, за исключеніемъ самаго кануна Новаго года, въ который трубленія вовсе не бываетъ. Первый день Новаго года можетъ иногда прійтись въ субботу и тогда трубить тоже нельзя. Но второй день никогда въ субботу не приходится, а потому всегда сопровождается трубнымъ звукомъ. Въ первые

два дня Нового года трубленіе совершается всегда въ строго опредѣленномъ порядкѣ, выражаемомъ слѣдующей схемой:

Отдѣленіе первое:

- 1) Одна Тэвія
- 2) Одна Тэруа
- 3) Одна Тэкія

Все отдѣленіе повторяется 3 раза, что составитъ: $3 \times 3 = 9$ приемовъ.

Отдѣленіе второе:

- 1) Одна Тэвія
- 2) Одинъ Шэварымъ
- 3) Одна Тэкія

Отдѣленіе повторяется 3 раза, $3 \times 3 = 9$ приемовъ.

Отдѣленіе третье:

- 1) Одна Тэкія
- 2) Одинъ Шэварымъ
- 3) Одна Тэруа
- 4) Одна Тэкія.

Отдѣленіе повторяется 3 раза, что составитъ: $4 \times 3 = 12$ приемовъ.

И того во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ—10 приемовъ безъ повтореній, а съ повтореніями—30 приемовъ. Полученная, такимъ образомъ, цифра приемовъ съ повтореніями—30 считается минимальной. Ея придерживаются между прочимъ въ Варшавской самой большой синагогѣ (на Тлумацкой), принадлежащей евреямъ талмудистамъ, которыхъ Хаасиды называютъ нѣмцами. Но въ иныхъ еврейскихъ общинахъ, какъ на примѣръ въ городахъ Минской губерніи цифра эта доводится до максимума, состоящаго изъ 100 приемовъ. Въ послѣднемъ случаѣ всѣ 30 приемовъ повторяютъ 3 раза, получается: $30 \times 3 = 90$ приемовъ и кромѣ того всѣ три отдѣленія исполняются одинъ разъ безъ повтореній, получится: $3 + 3 + 4 = 10$ приемовъ, а всего выходитъ 100 приемовъ.

Такъ какъ трубачемъ на шоферѣ можетъ быть всякій, а слѣдовательно и человѣкъ, не вполне знакомый съ порядкомъ богослуженія, и такъ какъ кромѣ того вышеописанная схема трубныхъ звуковъ перемежается молитвами, то при каждомъ трубачѣ имѣется ассистентъ изъ людей, свѣдущихъ „въ законѣ“, который громко произноситъ названіе пріема, когда трубачу приходитъ очередь исполнять тотъ или другой номеръ изъ приведенной нами схемы. Читая свои молитвы, онъ вскрикиваетъ: „тэкія“ и трубачъ исполняетъ одну

„тэкію“, „шеварымъ“ и трубачъ играетъ шеварымъ. Если трубачъ неправильно исполнитъ какой-либо изъ своихъ пріемовъ, то ассистентъ заставляетъ его повторить во второй и въ третій разъ, пока трубный пріемъ не будетъ исполненъ вполне безукоризненно.

Такъ какъ еврейскій народъ вѣритъ, что во время праздника Рошъ-Гашана на небѣ совершается судъ надъ дѣйствіями людей въ прошломъ и рѣшается судьба ихъ въ будущемъ году, то соотвѣтственно съ этимъ вѣрованьемъ объясняется талмудистами обрядъ трубленія. По ихъ объясненію, обрядъ этотъ имѣетъ значеніе воззванія къ роду человѣческому, чтобы онъ оглянулся на свои суетныя дѣла и поступки и возвратился на путь истины, а вмѣстѣ съ тѣмъ звукомъ рога еврейскій народъ напоминаетъ о себѣ предъ престоломъ Всевышняго. Каждый звукъ шофера, по мнѣнію талмудистовъ, громитъ цѣлыя полчища злыхъ духовъ и даетъ силу и возможность ангеламъ плести изъ этихъ звуковъ занавѣси и вѣнки въ небесныхъ чертогахъ. Трубленіе совѣтуютъ сопровождать разными нашептываньями, часть которыхъ возлагается на самого трубача, а часть на остальныхъ молящихся.

Обряду Тэкіотъ-Шоферъ севѣрное еврейское общество придаетъ особенно важное значеніе, и потому во время его исполненія въ синагогѣ водворяется необычная въ этомъ мѣстѣ глубокая благоговѣйная тишина: всѣ молящіеся отъ мала до велика съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за трубными звуками, стараясь не проронить ни одного изъ нихъ, такъ какъ по звукамъ этимъ гадаютъ о событіяхъ наступающаго года. Малѣйшая оплошность трубача, малѣйшая его неудача, какой-либо слабый или нечистый звукъ предвѣщаютъ въ наступающемъ году крупное несчастіе для общины, а потому тотчасъ же повергаютъ всѣхъ присутствующихъ въ уныніе. Наоборотъ, безукоризненная игра на рожкѣ предвѣщаетъ счастье, а потому вызываетъ всеобщее ликованіе.

Послѣдній день праздниковъ, судный день (Іомъ-Кипуръ) и въ мѣстѣ съ нимъ десятидневный періодъ покаянія заканчивается тѣмъ же, чѣмъ начался въ Рошъ-Гашавъ: послѣ почти непрерывной молитвы въ теченіе цѣлаго дня подъ вечеръ раздается въ синагогѣ трубный звукъ, сопровождаемый кликами всего молящагося народа: „лешана габая бирушалаимъ“, т. е. „на будущій годъ въ Іерусалимъ“. Этотъ послѣдній трубный пріемъ состоитъ только изъ одной, очень протяжной Тэкія, послѣ которой рогъ болѣе уже не трогается до слѣдующаго Новаго года.

Мы видимъ изъ этого описанія еврейскаго Тэкіотъ-Шофера, что въ немъ повторяются всѣ элементы обычая съ трубой, существующаго у литовцевъ, поляковъ, русскихъ и черемисовъ: 1) благоговѣйное отношеніе къ трубнымъ звукамъ, 2) исполненіе обряда осенью — въ теченія довольно продол-

жители
разгоня
никъ,
„Сврат
литовца
древних
Ц
у литов
аная др
держите
До
Мингрел
праздник
густа).
по землѣ
спать, и
которой
собираетс
шумному
отовсюду
Все это
Муж
свошеніях
возвышенн
въ обыват
этомъ дом
утро подс
родъ вѣри
Мин
и еврейскі
какъ въ т
о будущей
мы только
звучитъ ли у
четобами“
виль послѣ
Далѣе
въ томъ, ч
годіе я въ

жительнаго промежутка времени, 8) вѣра въ способность трубныхъ звуковъ разгонять нечистую силу и 4) трубленіе въ самый важный годовоіи праздникъ, соотвѣтствующій литовскому „Великому празднику“ и черемисскому „Сюрэму“. Что касается жертвоприношенія, совершавшагося въ этотъ день литовцами и черемисами, то его мы находимъ почти въ томъ же видѣ у древнихъ евреевъ.

Предполагать, что евреи заимствовали свои вышеприведенные обычаи у литовцевъ или у черемисъ было бы разумѣется слишкомъ неправдоподобно, зная древность еврейскихъ вѣрованій и упорство, съ которымъ этотъ народъ держится за всякую мелочь, изъ того, что онъ считаетъ закономъ Божиимъ.

Довольно близко къ вышеописаннымъ обычаямъ стоятъ также обычаи Мингрельцевъ. У этого народа подъ именемъ „Чечетоба“ извѣстны кануны праздниковъ Св. Ильи Пророка (20 іюля) и Успенія Богоматери (15 августа). Въ ночь „Чечетоба“, по повѣрью Мингрельцевъ, злые духи летаютъ по землѣ и стараются дѣлать людямъ зло. Въ эти ночи никто не долженъ спать, иначе злой духъ войдетъ въ спящаго и причинитъ ему болѣзнь, отъ которой ужъ никто его не вылечитъ. Въ сумеркахъ молодежь обоіи пола собирается гдѣ-либо на холмѣ вблизи деревни и здѣсь при кострахъ предается шумному веселью до самой зари. Оставшіеся въ деревнѣ тоже не спятъ: отовсюду слышатся выстрѣлы, крики, звуки деревянныхъ трубъ... Все это дѣлается для того, чтобы напугать и прогнать нечистую силу.

Мужчины и женщины „съ недобрымъ глазомъ“, т. е. замѣченные въ сношеніяхъ съ нечистою силою, отправляются въ эту ночь на уединенную возвышенность, ближайшую къ селу, и оттуда подслушиваютъ, что дѣлается въ обывательскихъ домахъ. Стукъ топора, на примѣръ, знаменуетъ, что въ этомъ домѣ умретъ кто-либо изъ мужчинъ въ теченіи года... и т. под. На утро подслушатели объявляютъ по деревнѣ, что и гдѣ они слышали. Народъ вѣритъ въ неизбежность угаданной колдунами судьбы (264).

Мингрельская „Чечетоба“ походитъ на литовскій „Великій праздникъ“ и еврейскій „Іомъ-Кипуръ“, а въ особенности на этотъ послѣдній, такъ какъ въ теченіе его рѣшается судьба людей на наступающій годъ. Гаданье о будущей судьбѣ по звуку также напоминаетъ еврейское гаданіе, о которомъ мы только что сообщали. Изъ приведенной нами замѣтки не видно, существуетъ ли у Мингрельцевъ обычай трубить въ промежуткѣ между двумя „Чечетобами“, но если его и нѣтъ, то можно думать, что онъ утратился, оставивъ послѣ себя трубленіе въ началѣ урочнаго времени и въ его концѣ.

Далѣе сходство Мингрельскаго обычая съ предъидущими заключается въ томъ, что время трубленія приходится также во второе (осеннее) полугодіе и въ томъ, что Мингрельцы считаютъ необходимымъ бодрствовать въ

теченіи цілою почи, какъ это дѣлали и литовцы въ ихъ „Великій праз-
никъ“. Наконецъ Мингрельцы подобно черемисамъ вѣрятъ, что въ известное
время года, осенью, нечистая сила становится особенно опасной для человѣка
и употребляютъ для ея изгнанія такіе же пріемы, какъ и черемисы.

Ко всему этому нужно добавить, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Ти-
бета передъ жатвой ламы собираются на вершинѣ холма, невдалекѣ отъ се-
ленія и также трубятъ въ трубы въ знакъ благодарности за урожай, а за-
тѣмъ при звонѣ колокола имъ приносятъ первые плоды, и работы по уборкѣ
хлѣба начинаются (265). Кромѣ того, у Тибетцевъ существуетъ обычай
встрѣчать Новый годъ трубленіемъ въ трубы (266).

Тибетскій обычай трубленіемъ встрѣчать Новый годъ сходится съ ев-
рейскимъ; обычай трубить передъ жатвой напоминаетъ обычай русскихъ и
черемисъ, а обычай приносить ламамъ свои первые плоды, напоминаетъ
жертвоприношеніе древнихъ литовцевъ.

Если сходство еврейскихъ обычаевъ съ обычаями литовцевъ, поляковъ,
русскихъ и черемисъ исключало возможность для его объясненія прибѣгать
къ помощи исторіи, то тѣмъ болѣе неумѣстны были бы историческія объяс-
ненія загадочной общности въ обычаяхъ между вышеупомянутыми народами
съ одной стороны, и Мингрельцами и Тибетцами съ другой. Очевидно, что
факты подобнаго рода ведутъ свое происхожденіе онъ время доисториче-
скихъ, когда международныя отношенія могли быть совершенно иными, чѣмъ
во времена историческія.

Что касается смысла интересующаго насъ обычая, то изъ всѣхъ при-
веденныхъ нами примѣровъ проглядываетъ довольно ясно, что онъ не имѣлъ
другой цѣли, какъ только изгнаніе бѣсовъ, могущихъ повредить урожаю
хлѣба и его жатвѣ. А связь того же обычая съ земледѣліемъ указываетъ,
что вѣрованье, послужившее ему основой, должно было первоначально при-
надлежать народу земледѣльческому. Хотя этому послѣднему заключенію,
повидимому, не соотвѣтствуютъ обряды евреевъ и мингрельцевъ, которые
ничего общаго съ земледѣліемъ какъ-будто бы не имѣютъ, но мы настаиваемъ
на немъ во первыхъ потому, что на немъ сходятся пять народовъ (поляки,
литовцы, русскіе, черемисы и тибетцы), а во вторыхъ, что съ вѣрованіемъ
этихъ народовъ сходится еще вѣрованье суданскихъ негровъ, сохранившееся въ
своей первобытной чистотѣ. Путешественникъ по западному Судану, француз-
скій капитанъ Binger описываетъ, что въ Котэдугу ему пришлось быть
свидѣтелемъ одного обычая, сильно напоминающаго, замѣтимъ мы отъ себя,
черемисское изгнаніе бѣсовъ и находящагося также въ связи съ земледѣліемъ.
Субъекты мужскаго пола, называемые на мѣстномъ языкѣ „Ду“, наряжа-
ются въ странный костюмъ: вся ихъ одежда обшивается волокнами туземной

конопли и листьями пальмы, такъ что видомъ своимъ напоминаетъ длинную густую шерсть. Изъ такой же матеріи дѣлается и шапка, закрывающая всю голову до шеи только съ отверстіями для глазъ. Въ такомъ нарядѣ „Ду“ бѣгаютъ, вооруженные палками, по деревнѣ и по полямъ, сопровождаемые толпой, поющей пѣсни, которыя по временамъ прерываются дикими выкриками. Если кто-либо изъ встрѣтившихся съ маскированными дѣтей или взрослыхъ испугается ихъ, то они колотятъ его не на шутку. Подобный обрядъ продолжается день и ночь; онъ совершается только во время осеннего посѣва и по словамъ г. Binger'a имѣетъ своею цѣлью выгнать злыхъ духовъ, могущихъ помѣшать посѣву. У Тоновъ, одного изъ негритянскихъ племенъ западнаго Судана, сходство того же обряда съ черемисскимъ увеличивается еще тѣмъ, что ихъ „ду“, называющіеся на мѣстномъ нарѣчій „субакха“ (хозяева ночи), сопровождаютъ свои манипуляціи игрой на трубѣ изъ роговъ дикаго быка (267).

Въ одной старой французской книгѣ (*Océanie ou cinquième partie du monde* par M. G. L. Domeny de Rienzi. Paris 1855, стр. 49 и 85) описаніе религіозной церимоніи, совершающейся подъ названіемъ „Начі“ ежегодно, разъ въ годъ, у дикарей на островахъ Тонга въ Австраліи. Празднество это, какъ увидитъ читатель, имѣетъ поразительно много общаго съ „Великимъ праздникомъ“ древнихъ литовцевъ и съ „Сюрэмомъ“ черемисовъ Царевоковшайскаго уѣзда, а потому мы не можемъ воздержаться, чтобы не привести его описанія, сдѣланнаго путешественниками.

Церимонія, о которой мы говоримъ, въ первый разъ наблюдалась и была описана знаменитымъ мореплавателемъ, Кукомъ, въ одно изъ его путешествій по Океаніи. Торжество это у жителей Острововъ Тонга считается настолько важнымъ и, священнымъ, что не смотря на уваженіе, которымъ пользовался среди нихъ Кукъ, ему, какъ иностранцу, долго не разрѣшали оставаться въ качествѣ зрителя при совершеніи религіозныхъ церимоній. А когда любознательному англичанину удалось таки настоять на своемъ, разрѣшеніе остаться было получено имъ только послѣ того, какъ онъ согласился вмѣстѣ со своими спутниками раздѣться до гола и спрятаться за высокимъ полсадомъ, да и то еще въ самые важные моменты торжества туземцы умышленно закрыли отъ него зрѣлище своими спинами.

„Начі“ (въ буквальномъ переводѣ—часть или доля) состоитъ въ жертвѣ богамъ въ лицѣ божественнаго владыки, первосвященника острововъ, „Туи-Тонга“, первыхъ плодовъ земли текущаго года. Она, какъ было уже сказано, совершается только разъ въ году (въ іюль мѣсяцѣ) и имѣетъ цѣлью призвать покровительство боговъ на народъ и на произведенія земли, изъ числа которыхъ самымъ драгоцѣннѣйшимъ считается „Ямсъ“ или „Иньямъ“. Сборъ ямса совершается обыкновенно въ концѣ Іюля, а одна изъ его разновидностей, „Каһокаһо“, посѣвается въ началѣ того же мѣсяца. Вотъ это послѣднее растеніе и употребляютъ при религіозной церимоніи. Какъ только оно созрѣетъ, король („Ноу“) извѣщаетъ о томъ Туи-Тонга и проситъ его назначить день для совершенія обряда. Такимъ днемъ назначается обыкновенно десятый, считая съ того дня, когда первосвященникомъ получено извѣщеніе короля. Въ продолженіе девяти сутокъ, предшествующихъ этому дню,

по цѣлымъ ночамъ бываютъ слышны звуки трубы—раковины, раздающіеся съ разныхъ концовъ острова. На девятый день вырываютъ изъ земли ямсъ и украшаютъ его красными лентами. Торжество совершается обыкновенно на томъ островѣ, который Туи-Тонга выбираетъ резиденціей, а потому жители отдаленныхъ острововъ начинаютъ свои приготовления къ совершенію обряда нѣсколькими днями раньше. Въ канунъ праздника, тотчасъ по закатѣ солнца, по всему острову раздаются звуки раковинъ и все усиливается по мѣрѣ приближенія ночи, въ то же время на всѣхъ плантаціяхъ поютъ что-то въ родѣ молитвы, называемой „Нофо“. Такъ продолжается всю ночь и только затихаетъ за 3—4 часа до восхода солнца, послѣ чего шумъ разгорается съ новой силой.

Около 8-ми часовъ утра на кладбище, огороженное палисадомъ, начинаютъ сходитья жители того острова, гдѣ совершается обрядъ, а въ то же время подъѣзжаютъ на лодкахъ съ цѣсями и при звукахъ раковинъ жители сосѣднихъ острововъ. Всѣ прибывшіе входятъ въ ограду торжественной процессіей, мужчины, вооруженные палицами и копьями, а женщины въ новыхъ „гнату“ (куски матеріи изъ волоконъ тутоваго дерева), украшенные красными лентами и гирляндами цвѣтовъ. Мужчины навѣшиваютъ ямсъ на длинныя толстыя жерди, кладутъ концы жердей на плечи двухъ человѣкъ и въ торжественной процессіи направляются къ могилѣ послѣдняго Туи-Тонга: они умышленно выступаютъ медленными шагами, дѣлая видъ, что ноша ихъ очень тяжела, чтобы показать, какъ милостивы боги, давшіе имъ такой обильный урожай и такой крупный и тяжеловѣсный ямсъ. Впереди процессіи идутъ два молодыхъ человѣка, трубящихъ въ раковины, а двое другихъ, также съ раковинами, замыкаютъ шествіе. Около могилы полукругомъ усаживаются начальники съ ихъ помощниками; головы ихъ наклонены, а руки сложены на груди. Процессія дефилируетъ между ними и могилой и описываетъ три или четыре круга, послѣ чего складываютъ передъ могилой ямсъ и усаживаются на землю. Тогда поднимается съ своего мѣста одинъ изъ „матабулей“ (помощниковъ) Туи-Тонга, выходитъ впередъ, садится противъ могилы и говоритъ молитву, въ которой онъ обращается сначала ко всѣмъ богамъ, потомъ къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности и наконецъ къ покойному Туи-Тонга. Затѣмъ встаютъ снова всѣ присутствующіе, берутъ свой ямсъ, снова обходятъ нѣсколько разъ процессіей около могилы и наконецъ снимаютъ ямсъ съ жердей. Послѣ того приносятся всѣ остальные жертвы, состоящія изъ двухъ плодовъ земли, сушеной рыбы, кусковъ матеріи, цыновокъ и проч. Одинъ изъ „матабулей“ Туи-Тонга производитъ тогда дѣлежъ всего пожертвованнаго: четвертую часть онъ отдаетъ жрецамъ, а остальное дѣлитъ поровну между королемъ и Туи-Тонга. Затѣмъ начинается приготовленіе и питье любимаго, національнаго напитка, „кава“, а въ это время одинъ изъ „матабулей“ обращается къ народу съ рѣчью, въ которой онъ говоритъ, что, исполнивши свою священную обязанность, народъ можетъ разсчитывать на защиту и покровительство боговъ и на долгую жизнь.

Празднество заканчивается танцами, борьбой и кулачными боями.

Сходство этого обряда съ описанными нами обрядами евреевъ, литовцевъ, черемисъ и другихъ выше перечисленныхъ народовъ заключается 1) въ

томъ, что обрядъ приходится на вторую половину года, 2) онъ приуроченъ ко времени созрѣванія и уборки плодовъ земныхъ, 3) совершенію обряда предшествуетъ еженощное трубленіе въ теченіе нѣсколькихъ дней, 4) трубленіемъ же сопровождается самый обрядъ, 5) празднество имѣетъ національный характеръ, такъ какъ на него съѣзжаются люди съ далекихъ окрестностей, 6) жертва богамъ приносится изъ первыхъ плодовъ текущего года, 7) торжество совершается только одинъ разъ въ годъ, 8) въ ряду другихъ торжествъ оно считается самымъ важнымъ или однимъ изъ самыхъ важныхъ, какъ „Великій“ праздникъ у литовцевъ, 9) цѣль жертвы—испросить у боговъ покровительство земледѣлію, 10) кромѣ покровительства земледѣлію жертвователями ожидается въ видѣ награды за жертву долга я жизнь, о которой во время своихъ, соответствующихъ Полинезійскому „Начи“, торжествъ гадаютъ евреи и мингрельцы и 11) празднество, также какъ черемисскій „сюрэмъ“, заканчивается состязаніями въ силѣ и въ ловкости.

По времени своего совершенія (осеннее полугодіе), разбираемый нами обрядъ напоминаетъ кромѣ того Сиро-Финикійскій культъ Адониса, извѣстный также и грекамъ и олицетворявшій собою ежегодное умираніе и возрожденіе растительной силы на землѣ. Согласно греческому мнѣнію, Адонисъ, по волѣ Зевса, отъ весеняго до осеняго равноденствія живетъ въ высшихъ небесныхъ сферахъ съ богиней Афродитой и ежегодно умираетъ отъ вепря, выслаземаго его противникомъ, богомъ Аресомъ. На второе же осеннее полугодіе онъ переходитъ въ подземныя сферы, гдѣ живетъ съ богиней Прозерпиной, пока на весну снова не возвратится въ небесныя сферы. Празднества въ честь Адониса, называвшіяся у грековъ Адоніями, происходили въ разныхъ мѣстностяхъ Греціи не одновременно, то въ началѣ лѣта, то во время жатвы, то наконецъ поздней осенью во время уборки плодовъ и винограда (268). Культъ этотъ, вѣроятно, былъ не безъизвѣстенъ и древнимъ евреямъ, судя по одному изъ титуловъ, которымъ они называли Бога: „Адонан“. А на знакомство съ тѣмъ же культомъ литовскаго народа намекаетъ приведенный нами выше обычай древнихъ Пруссовъ (народа литовскаго племени) ежегодно осенью разбивать статую своего божества Земеника и замѣнять ее новою.

Труба можетъ считаться этнографическимъ признакомъ, характернымъ для нѣкоторыхъ народныхъ группъ.

Изъ собраннаго здѣсь матерьяла мы видимъ, какую важную роль играла труба въ жизни человѣчества. Ей приписываютъ божественное происхожденіе, ее сохраняютъ въ качествѣ реликвіи или священнаго предмета въ хра-

махъ, звукъ ея считаютъ чудотворнымъ, имъ призываютъ въ храмъ. Трубою сопровождаются богослуженія, жертвоприношенія и религіозныя процессіи, восходъ и закатъ солнца, религіозныя празднества, приходящіяся на всѣ времена года и на всѣ мѣсяцы въ году, рожденіе ребенка, свадьбу, похороны и наконецъ главнѣйшія занятія человѣка, какъ скотоводство и земледѣліе. Словомъ, почти нѣтъ ни одного важнаго момента въ человѣческой жизни, который бы не сопровождался трубнымъ звукомъ. Причиной такого высокаго значенія трубы въ глазахъ человѣка были, конечно, ея мощные звуки, способные внушать страхъ живымъ существамъ, а слѣдовательно придавать извѣстную силу ея обладателю. Сила же во всѣхъ ея видахъ и во всѣ времена была предметомъ человѣческихъ желаній, стремленій и надеждъ. И такъ въ трубѣ и ея звукахъ человѣкъ высоко чтить ту силу, которую она ему давала. Но кто же были тѣ враги человечества, противъ которыхъ помогала ему эта сила? Были-ли то существа равныя ему въ умственномъ отношеніи или низшія, чѣмъ онъ? Последнее намъ кажется вѣроятнѣе. Дѣйствительно о многихъ народахъ древности намъ передаютъ, что ихъ нападенія сопровождались „ужаснымъ“ ревомъ трубъ, изъ примѣра Гедеона и Авія мы видѣли, что благодаря трубамъ иногда выигрывались сраженія. Но дѣйствовалъ-ли во всѣхъ этихъ случаяхъ устрашающимъ образомъ самый звукъ трубъ? Разумѣется нѣтъ: труба была страшна только потому, что извѣщала о нападеніи многочисленнаго и грознаго противника. Можетъ быть, и было когда-нибудь такое время, впервые послѣ изобрѣтенія трубы, когда народъ, сдѣлавшій это изобрѣтеніе, пользовался преимуществами надъ своими противниками, которымъ трубы еще не были извѣстны, но во всякомъ случаѣ время это не могло быть продолжительнымъ, каждый народъ могъ воспользоваться очевидными преимуществами, дававшимися трубой, такъ какъ матерьяла для постройки этого инструмента вездѣ много, а сдѣлать его себѣ по готовому образцу не особенно трудно. Слѣдовательно военныя свойства трубы, намъ кажется, были бы недостаточны для того, чтобы она пріобрѣла такое, какъ мы видѣли, высокое значеніе у человечества, близкое къ ея культу. Вѣрнѣе всего допустить, что труба въ самыя первобытныя времена оказала огромную помощь человѣку въ его борьбѣ съ хищниками животнаго царства, которые въ началѣ были опасны для самого человѣка, а позже для его домашнихъ животныхъ.

Какъ бы ни было, но сознавая извѣстную силу, пріобрѣтенную при помощи трубы, человѣкъ естественно стремился примѣнить этотъ инструментъ всюду, гдѣ только видѣлъ для себя враговъ. Испытавши могущество трубнаго звука надъ звѣрями и людьми, онъ думалъ устрашить тѣмъ же и своихъ невидимыхъ враговъ, бѣсовъ, которые въ первоначальномъ представленіи человѣка не были могучими безплотными духами, какъ мы знаемъ ихъ теперь.

а существамъ, одаренными плотью и кровью, но невидимыми по ихъ малой величинѣ, чѣмъ то вродѣ мелкихъ насѣкомыхъ.

Позже взгляды на бѣсовъ измѣнились, ихъ стали считать духами бѣснотными, но обряды для ихъ изгнанія остались все тѣ-же. Трубный звукъ продолжаетъ считаться страшнымъ для всей нечистой силы, а игра на трубахъ дѣламъ богоугоднымъ.

И такъ въ трубѣ человѣкъ цѣнилъ ее мощный звукъ, но въѣдъ извѣстны еще и другіе музыкальные инструменты, которые даютъ звукъ не менѣе сильный и далеко слышимый, какъ напр. барабанъ, тарелки, тамъ-тамъ и колоколь, или духовные инструменты вродѣ флейты и гобой, звуки которыхъ хотя и уступаютъ трубѣ на далекомъ разстояніи, но на близкомъ чуть-ли не превосходятъ ее своей пронзительностью. Было бы интересно въ высшей степени прослѣдить сравнительное значеніе всѣхъ этихъ инструментовъ въ жизни человѣчества, но это отвлекло бы насъ слишкомъ далеко въ сторону отъ предмета настоящей статьи, такъ какъ вопросъ этотъ весьма обширенъ, а потому мы ограничимся на этотъ разъ лишь нѣкоторыми краткими замѣчаніями.

Металлическія ударные инструменты какъ тарелки, тамъ-тамъ и колоколь по всей вѣроятности болѣе новаго происхожденія, чѣмъ труба, такъ какъ для ихъ производства нужны были металлы, а труба могла быть извѣстна человѣку еще въ каменный періодъ, когда металлы не были извѣстны. Слѣдовательно, инструменты эти, какъ болѣе новые, не могли отнять отъ трубы всей ее славы, укрупненной вѣками, также какъ не можетъ этого сдѣлать ни ружейный или пушечный выстрѣлъ, ни свистки локомотива, дающіе несравненно болѣе сильные звуки. Но все-таки значительную долю этой славы металлическіе ударные инструменты, какъ будетъ описано ниже, уже отняли, а мѣстами быть можетъ и совершенно вытѣснили трубу, занявши ее мѣсто. Что касается барабана, то онъ по своей древности врядъ ли уступаетъ трубѣ, а потому слышь и рядомъ фигурируетъ вмѣстѣ съ нею и очень часто ее замѣняетъ. Кромѣ того, есть случаи, въ которыхъ съ трубою очень усѣбно конкурируютъ такіе же древніе, какъ труба, деревянные инструменты изъ рода флейты и гобоевъ и даже волынка. Такимъ образомъ, есть народы, которые въ своей религіозной жизни не пользуются иными инструментами кромѣ трубы, есть такіе, которые кромѣ трубы имѣютъ и другіе инструменты: ударные и духовные и, наконецъ, есть такіе, которые вовсе не признаютъ значенія трубы, но выно всего ставятъ барабаны, флейты или гобой. Если мы теперь обратимся къ тѣмъ моментамъ изъ жизни народовъ и къ тѣмъ приведеннымъ выше обрядамъ и обычаямъ, которые сопровождаютъ трубными звуками, то увидимъ, что въ массѣ случаевъ они вовсе не связаны съ трубами нераз-

рывно, такъ какъ трубные звуки замѣняются сплошь и рядомъ звуками другихъ инструментовъ или же просто шумомъ и криками.

Изъ всего собраннаго здѣсь матерьяла видно, что наибольшее распространение по земному шару труба имѣла въ качествѣ инструмента военнаго и сигнальнаго. На войнѣ ея громкіе звуки, повидимому, болѣе всего были необходимы для человѣка, а потому эта необходимость скорѣй всего могла вызвать заимствованіе и передачу трубы отъ народа къ народу. Но при всемъ томъ мы находимъ историческія свидѣтельства, что древніе греки, на примѣръ, заимствовали свою военную трубу сравнительно въ очень позднія историческія времена, а до тѣхъ поръ довольствовались на войнѣ китарями и флейтами. Кромѣ того, есть свидѣтельства о древнихъ Парянахъ, что у нихъ барабанъ былъ такимъ же національнымъ военнымъ инструментомъ, какъ у персовъ труба. Далѣе у арабовъ, у османовъ, у киргизъ и въ старинныхъ польскихъ войскахъ дудки изъ рода гобоевъ считаются военными инструментами наравнѣ съ трубами. У китайцевъ съ трубой въ качествѣ военнаго инструмента соперничаетъ гонъ-конгъ, а у австралійскихъ дикарей тамъ-тамъ. Да наконецъ и въ наше время въ европейскихъ войскахъ барабанъ пользуется совершенно одинаковыми правами гражданства съ трубой. Такимъ образомъ въ военномъ дѣлѣ труба не представляетъ собою единственнаго и неизбѣжнаго инструмента.

Но еще рѣже встрѣчается она въ качествѣ инструмента религіознаго. Даже у евреевъ, гдѣ уваженіе къ трубѣ граничило съ ея культомъ, рядомъ съ нею были употребляемы при богослуженіяхъ арфы или гусли. Тоже самое мы видимъ въ Индіи, гдѣ брамины пользуются трубой при своихъ религіозныхъ обрядахъ вмѣстѣ съ колокольчикомъ и у буддистовъ, гдѣ кромѣ трубы при храмахъ существуетъ много другихъ музыкальных инструментовъ духовыхъ и ударныхъ. У древнихъ литовцевъ при жертвоприношеніяхъ кромѣ трубъ и роговъ употреблялись бубны, котлы и пищальки. У черемисовъ Царевококшайскаго уѣзда при ихъ жертвоприношеніяхъ кромѣ трубы мы находимъ гусли и „пузырь“ (родъ волынки). Последній инструментъ считается у нихъ даже священнымъ. У нашихъ сибирскихъ инородцевъ, у лопарей, самоѣдовъ и другихъ арктическихъ народовъ сѣвернаго полушарія трубы вовсе нѣтъ, а роль священнаго инструмента играетъ знаменитый бубенъ шамановъ и т. д.

Какъ инструментъ для храмоваго благовѣста въ Европѣ и во многихъ странахъ Азіи, труба замѣняется колоколами, а гдѣ таковыхъ нѣтъ, волотушками и трещетками. Тѣ же самые инструменты замѣняютъ колокола и во время такъ называемаго „поста колоколовъ“, какъ это при-

ходится наблюдать у поляковъ католиковъ Ломжинской губерніи Островскаго уѣзда и у бывшихъ униатовъ Сѣдлецкой губерніи Родинскаго уѣзда.

Для ежедневнаго оповѣщанія жителей о восходѣ и закатѣ солнца у персіянъ, до сихъ поръ соблюдающихъ этотъ обычай, кромѣ трубы, употребляется еще барабанъ.

Выше мы приводили рядъ ежегодно совершаемыхъ и сопровождающихся трубой обрядовъ или прямо называемыхъ „изгнаніемъ бѣсовъ“, или хотя не называемыхъ такъ, но вполне имъ соответствующихъ. И вотъ у французовъ во время совершенія обряда „огней“, кромѣ трубныхъ звуковъ, раздаются еще выстрѣлы, а у черемисовъ при „изгнаніи бѣсовъ“ стрѣляютъ и шумятъ трещетками. Въ иныхъ мѣстностяхъ труба въ такихъ же случаяхъ даже вовсе отсутствуетъ и замѣняется: стрѣльбой и шелканьемъ бича — въ Эльзасѣ (269), игрой на дудкахъ — у малороссовъ (270), игрой на бубнахъ, сопѣляхъ и издѣліяхъ струнныхъ — въ старину у великороссовъ (271), трещеткой и скрипкой — у современныхъ чувашъ (272) и т. под.

Обрядъ трубленія въ Новый годъ, соблюдаемый у современныхъ евреевъ, имѣетъ также свои варианты, въ которыхъ труба или отсутствуетъ или замѣняется другими музыкальными инструментами.

Такъ, въ Германіи въ Новый годъ стрѣляютъ изъ ружей и шелкають хлыстомъ, чтобы отогнать злого духа; на Гарцѣ обычай этотъ извѣстенъ подъ именемъ „Новогодней стрѣльбы“ (273). Кашубы въ Помераніи поднимаютъ адскій шумъ, чтобы прогнать старый годъ изъ своихъ деревень и съ полей (274).

У имеретинъ (275), грузинъ (276) и гурійцевъ (277) Новый годъ встрѣчаютъ стрѣльбой.

Въ Тибетѣ въ полночь послѣдняго дня стараго года молодые люди съ барабаннымъ боемъ выходятъ въ поля (278).

У Молдаванъ наканунѣ Новаго года молодежь ходитъ отъ дома къ дему со звономъ колокольчиковъ, хлопаньемъ бичей и дружными криками (279).

Тоже самое можно сказать объ обычаяхъ саксонскихъ нѣмцевъ и Тибетцевъ изгонять трубнымъ звукомъ злого духа, производящаго болѣзнь. Идея изгнанія болѣзни шумомъ, повидямому, широко распространена по земному шару. Такъ на о-вѣ Мадагаскарѣ, по словамъ очевидца, для излеченія болѣзни считаютъ необходимымъ изгнать изъ заболѣвшаго злого духа ангатру, для чего бьютъ, что есть мочи, надъ ухомъ больного топорикомъ по клину, подвѣшенному на струнѣ (280). Въ западной Австраліи на обя-

занности лекаря лежитъ бѣгать кругомъ пациента и, уходя отъ него, стрѣлять, чтобы отпугнуть злыхъ духовъ (281) и т. под.

Вѣрованье чеховъ, что труба отгоняетъ грозовыя тучи, также не можетъ считаться оригинальнымъ, потому что существуетъ у многихъ другихъ народовъ. Такъ, напримѣръ, поляки думаютъ, что грозовыя облака тянутъ особые духи, называемые планетниками и что ихъ можно отогнать звонкомъ колоколовъ (282). Съ тою же цѣлью звонятъ въ колокола въ бельгійскомъ Люксембургѣ (283) и въ Эльзасѣ (284). У одного изъ южноамериканскихъ племенъ гуайкурусовъ, предвидя бурю, мужчины вооружаются своими манканами и выходятъ изъ деревень, а женщины и дѣти, слѣдуя за ними, кричатъ изъ всѣхъ силъ, думая такимъ образомъ прогнать демона, который причиняетъ бурю (285).

Еще больше вариантовъ имѣетъ приведенный нами выше обычай негровъ съ береговъ Нигера отгонять съ трубою демоновъ или драконовъ, проглатывающихъ, по народному вѣрованью, луну во время ея затмѣнія. Такъ, напримѣръ, вангуаны восточной Африки въ томъ же случаѣ колотятъ въ металлическую посуду (286). Въ Константинополѣ производятъ шумъ при помощи чугуновъ, кострюль, котловъ и т. под. звонкой посуды (287). У Бессарабскихъ Гагаузовъ стрѣляютъ изъ ружей, стучать въ мѣдную посуду и всячески шумятъ. У Грузинъ—подымаютъ крикъ и стрѣляютъ изъ ружей (288). У Армянъ стрѣляютъ изъ ружей, звонятъ въ колокола, поднимаютъ шумъ и гамъ (289). Мусульмане Талтшинцы Ленкоранскаго уѣзда стучать въ мѣдную посуду и стрѣляютъ изъ ружей (290). У татаръ Шемаханскаго уѣзда—стрѣляютъ изъ ружей, бьютъ палкой въ мѣдные тазы и вообще поднимаютъ шумъ и гвалтъ (291). Удины православные и грегориане с. Варташена Нухинскаго уѣзда—стрѣляютъ изъ ружей и шумятъ (292). У тюркскаго племени карагасовъ (въ Сибири) стрѣляютъ изъ ружей (293). Въ Китаѣ самъ императоръ бьетъ въ барабанъ. У Стіеновъ въ Камбоджѣ издають дикіе крики. На о-въ Суматрѣ производятъ сильныя шумъ съ помощью различныхъ инструментовъ. Ирокезы въ Африкѣ кричатъ, шумятъ, стучать, бьютъ въ барабаны и стрѣляютъ изъ ружей. Карибы—кричатъ и шумятъ въ священную трещетку. Индѣйцы Чикитосы пускаютъ въ небо тучи стрѣлъ, сопровождая все это громкими криками. Нѣкоторыя племена сѣверной Мексики и полуострова Юкатана били своихъ собакъ и производили шумъ всякаго рода. Древніе Перуанцы также били своихъ собакъ, чтобы заставить ихъ выть. Гренландцы колотятъ въ котлы (294) и т. д.

Словомъ, повидимому, нѣтъ или почти нѣтъ такихъ обрядовъ, которые не были бы неразлучны съ трубою.

Вотъ почему мы думаемъ, что особое пристрастіе къ трубѣ и употребленіе

ея при
можетъ
однѣхъ
И
по земл
артичес
доброй
россін,
молдава
рическія
не сплю
такіе от
бурятам
отличаю
или пол
Ес
неимѣю
тѣла, пе
Пе
матерьял
народовъ
положені
мѣрь од
на огром
комъ на
отъ Егип
Рав
по всей
Трубы ст
Америкѣ.
встрѣтитъ
Мал
матерьялу
и въ нав
мѣрь, есл
Индія, от
поздней
вны имѣ
нудъ особе

ей при тѣхъ или другихъ обрядахъ у какой-либо этнографической группы можетъ служить для нея характернымъ признакомъ, отличающимъ ее отъ другихъ группъ и сближающимъ съ другими.

Изъ собраннаго здѣсь матерьяла видно, что труба широко распространена по земному шару за исключеніемъ развѣ сѣверной Сибири (295) и всѣхъ арктическихъ странъ. Однако, можно думать, судя по примѣру Польши, въ которой половина которой нѣтъ трубы въ народномъ употребленіи, всей Малороссіи, Гагаузовъ, у которыхъ на языкѣ нѣтъ даже слова для понятія труба, молдаванъ, болгаръ, древней Греціи, въ которой труба введена была въ историческія времена и проч., что труба распространяется по земному шару далеко не сплошь, а спорадически. Причемъ въ этомъ отношеніи сходны между собою такіе отдаленные народы какъ австралійцы съ литовцами, негры Гвинеи съ бурятами, американскіе индѣйцы съ французами и т. под., а въ тоже время отличаются такія близкія племена, какъ малороссы украинскіе и галиційскіе или поляки Ломжинской губ. и поляки же Петроковской губерніи.

Есть въ этомъ распространеніи трубы что-то какъ бы нанесенное извнѣ, неимѣющее ничего общаго съ родствомъ людей по цвѣту кожи, по строенію тѣла, по языку, по исторической судьбѣ и т. д.

Первое, что можетъ прійти въ голову при разсмотрѣніи, собраннаго нами матерьяла—это то, что труба могла быть изобрѣтена самостоятельно у всѣхъ тѣхъ народовъ, у которыхъ она существовала или существуетъ. Но такому предположенію противорѣчатъ факты изъ области трубной техники. Такъ напримѣръ одинъ и тотъ же инструментъ, одинаковаго устройства, можно найти на огромныхъ пространствахъ. Трубы изъ слоновыхъ клыковъ съ мундштукомъ на боковой поверхности встрѣчаются на всемъ Африканскомъ материкѣ отъ Египта до мыса Доброй Надежды и отъ Занзибара до Гвинейскаго залива.

Раковины-трубы съ мундштукомъ на боковой поверхности можно найти по всей Полинезій отъ Индійскаго Архипелага до Маркизовыхъ острововъ. Трубы съ мундштукомъ на концѣ распространяются по всей Европѣ, Азій и Америкѣ. Прямую и длинную деревянную трубу въ Южной Америкѣ можно встрѣтить отъ Венецуелы черезъ всю Бразилію до Чили.

Мало того, если приглядѣться поближе къ собранному нами здѣсь матерьялу, то можно даже построить нѣсколько догадокъ о томъ, какими путями и въ какомъ направленіи одна часть свѣта вліяла на другую. Такъ, напримѣръ, если мы возьмемъ трубы-раковины, то ихъ центромъ была, повидимому, Индія, откуда онѣ распространились на востокъ въ Полинезію, но въ этой послѣдней съ Азіатскимъ вліяніемъ столкнулось Африканско, такъ какъ раковины имѣютъ здѣсь боковое мундштучное отверстіе, составляющее характерную особенность трубъ Африканскаго материка. Обратнаго же вліянія со сто-

роны Полинезии въ сторону Африки незамѣтно, такъ какъ трубы-раковины дальше о-ва Мадагаскара въ Африкѣ не распространяются. Что касается южной Европы, то общность ея съ Индией въ этомъ отношеніи очевидна, хотя эти мѣстности раздѣлены между собой передней Азіей, въ которой раковинъ-трубъ не было.

Наконецъ, центральная Америка, въ немалому нашему удивленію, въ отношеніи трубъ обнаруживаетъ близость не съ Австраліей, какъ-бы того слѣдовало ожидать, а со старымъ свѣтомъ, такъ какъ расположеніе мундштучнаго отверстія во всей Америкѣ одинаково съ Европейскимъ и Азіатскимъ, за исключеніемъ Сѣверо-восточнаго угла южной Америки, которая по своему боковому мундштучному отверстию сходна съ Африканскимъ материкомъ (табл. I №№ 3, 7 и 8).

Такъ что, если труба возникла самостоятельно въ нѣсколькихъ пунктахъ земного шара, то пунктовъ этихъ могло быть сравнительно очень немногихъ.

Въ томъ же убѣждаетъ насъ сравненіе между собою названій для трубъ, встрѣчающихся на разныхъ концахъ земного шара. Повидимому большинство этихъ названій происходятъ изъ нѣсколькихъ звукоподражательныхъ корней:

Такъ на примѣръ цѣлый рядъ названій для трубы происходитъ отъ корня *br*: у древнихъ евреевъ и абисинцевъ: керенъ, греч. *keras*, вельтск. *karpih*, латинск. *cornu*, итальян. *cornu*, француз. *corne*, нѣмец. и англійск. *horn*, таранчинск. *карнай*, киргизское *керней*, османское *цурна*, индійск. *carua*, японск. *хога*.

Отъ другого корня *tr*: итал. *tromba*, франц. *trompette*, нѣм. *Trompette*, англ. *trumpet*, чешск. *trouba*, русск. *труба*, польск. *traba*, галиц. *трембита* или *трубета*, средневѣков. европ. *taugea*, латыш. *tauge*, остъ-индск. *tare*, *tutare*, *turl*, *tarai*, южно-америк. *ture*.

Отъ корня *br*: инд. *burī*, *bhere*, *bherubnathi*, монгольское *буръ*.

Отъ корня *rg*, *rk*: русск. *рогъ*, латышск. *гах*.

Отъ корня *tud*: индійск. *tuda*, русск. *туда*, чувашск. *тудутъ*.

Отъ корня *buk*, *buç*, *puç*: латин. *buccina*, франц. *buisine*, *buisine*, испан. *bozina*, старонѣмец. *pusine*, новонѣмец. *buisanne*, черемиск. *пуцо*, *путъ*, Филип. остров. *budiong*, южн. Америк. *batuto*, греч. *βουχαυη*, грузинск. и имерет. *буки*, армянск. *rogh peghenstia*, индійск. *puṅga*.

Отъ корня *kb*: индійск. *kombee*, *kombi*, осман. *кабу* - дурна и т. д.

Но что труба переносилась по земному шару съ мѣста на мѣсто, болѣе всего убѣждаетъ насъ сравненіе между собою обычаевъ и обрядовъ, соединенныхъ съ ея употребленіемъ, изложенное въ началѣ настоящей главы.

И такъ
сильно тр
общность. В
этого рода
въ осбден
прудачу са
ны тамъ
ны какъ
мудъ стар
и мугтани
ны уже со
слышавш
пирать со
иртъ и ж
ны какъ о
ны обыча
разродных
само. Радъ
примети въ

Есть в
фнй, котор
тызъ вынва
ны, обыча
ны бы да
у народовъ
враки и об
свообразны
были совер
тъ единъ
случа, въ
общность то
Сва отво
сравненіи
испытать, н
и польскій,
челусть сам

И такъ невозможно отрицать, что между народами земного шара относительно трубы и, связанныхъ съ нею, обычаевъ существуетъ нѣкоторая общность. Вопросъ только въ томъ, какъ себѣ ее объяснить. У насъ для такого рода фактовъ есть только два объясненія: 1) прямое заимствование отъ сосѣдей и 2) заимствование черезъ купцовъ. Объяснить такимъ образомъ передачу самого инструмента еще кое-какъ возможно, но понять распространение тѣмъ же путемъ вѣрованій, обрядовъ и обычаевъ уже гораздо труднѣе, зная какъ всѣ народы консервативны и какъ цѣлко они держатся за свою родную старину. Однако, дѣйствительность даетъ намъ еще болѣе сложные и запутанные явленія, понять которыя при вышеизложенномъ способѣ объясненія уже совершенно невозможно. Какъ, напримѣръ, объяснить распространение одинаковыхъ обычаевъ не между сосѣдними народами, а между такими, которые говорятъ совершенно на различныхъ языкахъ, отдѣлены между собою тысячами верстъ и живой стѣной изъ другихъ народовъ, такихъ обычаевъ неимѣющихъ. Или какъ объяснить заимствование тѣмъ же путемъ и при такихъ же условіяхъ обычаевъ не одного какого-либо рода, а цѣлаго ряда обычаевъ самыхъ разнородныхъ, цѣлой комбинаціи ихъ, составленной какъ бы совершенно случайно. Рядъ такого рода трудно объяснимыхъ фактовъ мы и намѣреваемся привести въ слѣдующей главѣ.

Загадочныя параллели.

Есть не мало скептиковъ, даже среди людей, занимающихся этнографіей, которые не ждутъ большой пользы отъ сравнительнаго изслѣдованія такъ называемыхъ международныхъ сказочныхъ темъ, вѣрованій, обрядовъ, обычаевъ и проч. Для нихъ вовсе не кажется страннымъ, совпаденіе хотя бы даже въ мельчайшихъ подробностяхъ вѣрованій, обычаевъ и темъ у народовъ самыхъ отдаленныхъ между собою по языку и раздѣленныхъ морями и океанами. Человѣчество въ ихъ глазахъ представляется настолько однообразнымъ психически, что отдѣльные его народы и племена должны были совершенно независимо, безъ всякихъ международныхъ сношеній прійти къ однимъ и тѣмъ же вѣрованьямъ, обрядамъ и обычаямъ. Но есть однако случаи, въ которыхъ даже эти скептики не могутъ объяснить международную общность только однообразной организаціей психической природы человѣка. Сюда относится вопросъ о человѣческихъ языкахъ. Ни одинъ самый отчаянный приверженецъ теоріи машинообразнаго дѣйствія человѣческой психики не могъ бы допустить, напримѣръ, что такіе, близкіе между собой языки, какъ русскій и польскій, нѣмецкій и голландскій, французскій и итальянскій могли возникнуть совершенно самостоятельно, независимо другъ отъ друга и только слу-

чайно сойтись между собою на однихъ и тѣхъ же корняхъ и грамматическихъ формахъ. Спрашивается: что же именно въ этомъ случаѣ заставляетъ принимать за неоспоримый фактъ общее происхожденіе изъ одного источника такихъ близкихъ между собою языковъ? Отчего, принимая у всего человечества однообразную психическую организацію, мы не можемъ однако ни на минуту допустить, чтобы два народа, живя совершенно отдѣльно другъ отъ друга и выработывая самостоятельно свои языки, могли бы сойтись на ихъ корняхъ и формахъ такъ близко, какъ сходится напримѣръ русскій народъ съ польскимъ? Ясно, что здѣсь играетъ роль прежде всего огромная сложность такого психическаго явленія какъ народный языкъ. А слѣдовательно, если мы находимъ у двухъ или нѣсколькихъ народовъ, не имѣющихъ между собою ничего общаго въ ихъ историческихъ судьбахъ, общія вѣрованья, обряды и обычаи, то мы до тѣхъ только поръ можемъ сомнѣваться въ доисторической общности этихъ народовъ, пока ихъ общія вѣрованья, обряды и обычаи не очень сложны, но какъ только сложность этихъ этнографическихъ признаковъ увеличится, то вмѣстѣ съ тѣмъ увеличится и вѣроятность ихъ общаго происхожденія.

Вотъ этотъ-то законъ и даетъ въ руки этнографа изслѣдователя ключъ къ мысленному проникновенію въ такія отдаленныя эпохи изъ минувшей жизни народовъ, о которыхъ исторія не можетъ имѣть ни малѣйшаго представленія. Путей къ такого рода изслѣдованіямъ можетъ быть очень много, но мы хотимъ указать здѣсь на одинъ изъ нихъ, который, какъ намъ кажется можетъ привести къ очень плодотворнымъ результатамъ. Изслѣдователи должны прежде всего собрать свѣдѣнія о какомъ-либо международномъ вѣрованьи подобно тому, какъ мы собрали здѣсь свѣдѣнія о трубахъ. При этомъ по отношенію къ данному вѣрованью человечество раздѣлится на двѣ части: одна — несомнѣнно имѣющая у себя искомое вѣрованье, а другая — его не имѣющая. Вотъ — первый шагъ по пути подобнаго рода изслѣдованій.

Если обратиться къ трубѣ и обычаямъ, съ нею соединеннымъ, то при помощи собранныхъ здѣсь свѣдѣній мы можемъ раздѣлить все человечество на двѣ большія группы: 1) народы, имѣющіе у себя трубу и пользующіеся ею для разныхъ своихъ цѣлей и 2) на народы, неимѣющіе трубы и не пользующіеся ею. Назовемъ первую изъ этихъ группъ — А.

Сдѣлать предположеніе, что у всѣхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ группы А, труба могла быть изобрѣтена самостоятельно еще до вѣкоторой степени возможно, хотя не безъ ватажки, но при дальнѣйшемъ, болѣе близкомъ знакомствѣ съ собраннымъ нами матерьяломъ такое предположеніе, какъ мы увидимъ, становится все менѣе и менѣе вѣроятнымъ.

Если мы сравнимъ между собою вѣрованья, соединенныя съ трубой, у

народовъ, входящихъ въ группу А, то увидимъ что эти народы можно снова подраздѣлить на двѣ группы по сходству въ деталяхъ ихъ вѣрованій и обычаевъ. Напримѣръ, мы получимъ: 1) такіе народы, у которыхъ есть религиозное уваженіе къ трубѣ и 2) такіе, у которыхъ никакого религиознаго уваженія къ этому инструменту не имѣется.

Если мы назовемъ первую изъ этихъ новыхъ группъ черезъ В, то увидимъ во первыхъ, что группа В меньше группы А, а во вторыхъ, что вѣроятность доисторической общности между народами, входящими въ группу В стала больше, чѣмъ она была для народовъ группы А, такъ какъ между народами группы А общею была только одна черта: пользованіе трубою, тогда какъ между народами группы В есть уже двѣ общія черты: 1) пользованіе трубою и 2) религиозное уваженіе къ трубѣ.

Если мы тѣмъ же порядкомъ снова подраздѣлимъ группу В на двѣ новыя группы напримѣръ на такую, въ которой приняты исключительно прямыя трубы и такую, въ которой имѣются кромѣ прямыхъ еще и изогнутыя, то получимъ еще новую группу С, которая будетъ менѣе В, но у которой вѣроятность доисторическаго общенія народовъ, входящихъ въ группу, еще болѣе увеличится и т. д.

Слѣдовательно, если мы для сравненія между собою народовъ по отношенію ихъ къ какому-либо общему обычаю будемъ вводить одну общую черту за другой, то будутъ получаться все меньшія и меньшія группы, а вѣроятность до историческаго общенія между народами въ этихъ группахъ будетъ становиться все болѣе и болѣе и изъ области предположеній будетъ все болѣе и болѣе передвигаться въ область неоспоримыхъ фактовъ.

Разсуждая подобнымъ же образомъ, мы могли бы дойти въ концѣ концовъ и до той небольшой группы народовъ, между обычаями которыхъ, связанныхъ съ трубою, сравненіе было сдѣлано нами выше, мы говоримъ: о евреяхъ, литовцахъ, полякахъ (губерній: Плоцкой, Ломжинской и Сѣдлецкой), русскихъ (губерн. Сѣдлецкой, Гродненской, Волынской и Минской), черемисахъ, мингрельцахъ и тибетцахъ. Между народами этой группы сходство по отношенію въ вѣрованьямъ, соединеннымъ съ трубою, оказалось такъ велико, что мы считаемъ себя въ правѣ искать между ними и другія сходственныя черты, ничего общаго съ трубою не имѣющія. И дѣйствительно, ниже мы увидимъ нѣсколько поистинѣ странныхъ загадочныхъ паралелей въ числѣ этнографическихъ признаковъ этихъ народовъ.

Легко понять, что если бы мы подобнымъ же образомъ изслѣдовали и другія международныя вѣрованья, то получили бы рядъ народныхъ группъ, между которыми были несомнѣнныя близкія сношенія въ доисторическія вре-

мена, а это открыло бы передъ нами широкую картину доисторической жизни народовъ.

Переходя затѣмъ къ параллелямъ между обычаями евреевъ, литовцевъ, поляковъ (Плоцкой, Варшавской, Ломжинской и Сѣдлецкой губ.), русскихъ (Сѣдлецкой, Гродненской, Волынской и Минской губ.), черемисъ, мингрельцевъ и тибетцевъ, мы должны предупредить читателей, что мы не занимались подробнымъ сравнительнымъ изученіемъ этнографическаго матерьяла всѣхъ перечисленныхъ здѣсь народовъ и взяли для сравненія только такія общія черты, которыя такъ сказать слишкомъ бросались въ глаза, а потому и подборъ такихъ чертъ получился совершенно случайный. Кромѣ чертъ болѣе или менѣе общихъ всѣмъ взятымъ нами здѣсь народамъ, мы между прочимъ обратили вниманіе и на такія, которыя общи только двумъ или тремъ изъ нихъ.

У большинства народовъ, какъ извѣстно, существуютъ нѣкоторые излюбленные цвѣта въ одеждѣ или въ украшеніяхъ, у одного — бѣлый, у другого красный, у третьяго — синій, зеленый, желтый и т. д. У европейскихъ народовъ нашего времени цвѣтъ одежды и украшеній сдѣлался предметомъ моды. Измѣнчивая мода не только выдвигаетъ по произволу то тотъ, то другой цвѣтъ, отдавая ему временное преимущество надъ другими и называя его моднымъ, но даже отъ времени до времени придумываетъ новые цвѣта или лучше сказать оттѣнки цвѣтовъ. А потому мы уже привыкли смотрѣть на цвѣтъ одежды только съ точки зрѣнія его красоты. Но есть и въ нашей жизни такіе случаи, когда всеильная мода принуждена бываетъ сообразоваться съ народными вѣрованьями. Такъ, на примѣръ, никакая мода не въ состояніи была бы измѣнить цвѣтъ нашихъ траурныхъ костюмовъ, хотя цвѣтъ траура вещь совершенно условная: мы знаемъ что у нѣкоторыхъ народовъ траурнымъ цвѣтомъ считается бѣлый, а у другихъ синій и даже желтый. Точно также мода не пытается измѣнить цвѣта свадебнаго костюма невѣсты, всегда бѣлаго, хотя привычка къ употребленію этого цвѣта на свадьбѣ не имѣетъ никакихъ другихъ основаній, кромѣ какихъ-то древнихъ, совершенно забытыхъ вѣрованій. Если же отъ европейскаго интеллигентнаго общества обратиться къ простымъ людямъ, то тамъ мы найдемъ несравненно болѣе подобныхъ привычекъ къ извѣстнымъ цвѣтамъ, сдѣлавшихся для народа второй натурой. Дѣйствительно, если присмотрѣться къ цвѣту народнаго костюма, то мы найдемъ огромныя области, гдѣ преобладаетъ красный цвѣтъ и другія, гдѣ преобладающимъ цвѣтомъ является черный, бѣлый или синій. Отсюда берутъ свое начало такъ называемые національные цвѣта. Но кромѣ національныхъ цвѣтовъ есть еще цвѣта религіозные, составляющіе отличительный признакъ, какъ бы знамя, для людей, принадлежащихъ къ одной религіи или же считающихся любимымъ цвѣтомъ того или другаго божества. Очень понятно, что привычка къ

такому цвѣту,
лѣтними, внос
народу отдѣла
свою религію.
домъ той или
для этнографа,
свое начало

Шарль
человѣкъ для
всѣмъ человѣч
Однако, приба
онъ перечисляе
бой. Къ так
г. Летурно о
у древнихъ ев
постройкой ски
выхъ разныхъ м
пуровую и чер
числяя разные
быть изъ нихъ
на первомъ пла
всѣхъ трехъ
составляющихъ
одежды Аарона
а изъ одной го
лена скинія (гл
Эфода (гл. 28)
крѣпящей зол
(головному убору
скинія былъ сдѣ

Что касает
изъ мужчинъ кт
кисти (цыцэс)
вались „кистями
признакомъ еврея
носиться евреями
на такъ называем
почти не должен
Въ настоящее вре

такому цвѣту, предписываемому религіей, укрѣпляясь въ народѣ цѣлыми столѣтіями, въ послѣдствіи дѣлалась для него второй натурой и не легко было народу отдѣлаться отъ нея даже и въ томъ случаѣ, если онъ перемѣнялъ свою религію. Вотъ почему намъ кажется, что предпочтеніе, отдаваемое народомъ той или другой мѣстности какому-либо цвѣту должно быть интересно для этнографа, такъ какъ происхожденіе его въ большинствѣ случаевъ беретъ свое начало изъ глубочайшей древности.

Шарль Летурно (297) говоритъ, что „во всѣхъ мѣстахъ земного шара человѣкъ для украшенія себя употреблялъ яркіе цвѣта. Въ этомъ отношеніи всѣмъ человѣчествомъ единогласно отдается предпочтеніе красному цвѣту. Однако, прибавляетъ тотъ же авторъ, существуютъ и исключенія“... Далѣе онъ перечисляетъ народы, у которыхъ излюбленнымъ цвѣтомъ является голубой. Къ такимъ народамъ принадлежатъ между прочимъ и евреи, хотя г. Летурно о нихъ вовсе не упоминаетъ. Особенно уважался голубой цвѣтъ у древнихъ евреевъ, какъ это видно изъ книги исхода (гл. 25). Передъ постройкой скиніи Богъ приказалъ Моисею принимать отъ сыновъ Израилевыхъ разный матерьялъ для нея и между прочимъ „шерсть голубую, пурпуровую и червленную“. Говоря объ этихъ трехъ родахъ шерсти и перечисляя разныя составныя части и принадлежности скиніи, которыя должны быть изъ нихъ сдѣланы, Библия, отличающаяся точностью своихъ выраженій, на первомъ планѣ вездѣ ставитъ шерсть голубую. Такимъ образомъ изъ всѣхъ трехъ родовъ шерсти были сдѣланы (гл. 26): 1) 10 покрывалъ, составляющихъ скинію, 2) два завѣса у входа въ скинію, 3) Эфодъ (часть одежды Аарона), 4) Поясъ Эфода и 5) Наперсникъ (нагрудникъ) судный, а изъ одной голубой: 1) Петли къ покрываламъ, изъ которыхъ была составлена скинія (гл. 26), 2) Шнуръ, прикрѣпляющій наперсникъ къ кольцамъ Эфода (гл. 28), 3) Верхняя риза къ Эфоду (гл. 28) и 4) Шнуръ, прикрѣпляющій золотую дощечку съ надписью: „Святыня Господня“ къ Кидару (головному убору первосвященника) (гл. 28). Кромѣ того верхній покровъ скиніи былъ сдѣланъ изъ синихъ кожъ (гл. 26).

Что касается одежды древнихъ евреевъ, не священниковъ, то каждый изъ мужчинъ къ четыремъ концамъ своего плаща долженъ былъ пришивать кисти (цыцэс) обязательно голубаго цвѣта („схелес“), которыя назывались „кистями видѣнія“ и служили какъ бы національнымъ отличительнымъ признакомъ еврея. Въ послѣдствіи этотъ плащъ (онъ называется Талэс) сталъ носиться евреями только во время молитвы, а кисти были перенесены съ него на такъ называемый Талэс Кутонъ, т. е. Малый Талэсъ, съ которымъ еврей почти не долженъ разставаться (благочестивые евреи даже спятъ въ немъ). Въ настоящее время 4 кисти Талэсъ Кутона, изъ 7-ми нитей каждая, стали

дѣлаться уже не голубаго, а бѣлаго цвѣта, но авторы Талмуда знаютъ ихъ еще голубыми. Такъ, напримѣръ, въ Талмудѣ поднимался вопросъ о томъ, избавляетъ ли плащъ, окрашенный цѣликомъ въ голубой цвѣтъ, отъ необходимости имѣть кисти на немъ непременно голубыя и былъ рѣшенъ отрицательно.

Въ жизни современныхъ евреевъ въ особенности русскихъ голубой и синій цвѣта, повидимому, не играютъ никакой или почти никакой роли, по крайней мѣрѣ, они не являются преобладающими. Такъ у А. С. Дембовецкаго (298), описавшаго бытъ Могилевскихъ евреевъ, мы находимъ объ этомъ вопросѣ краткія замѣтки, которыя, впрочемъ, ничего не говорятъ о преобладаніи синяго или голубого цвѣтовъ. Мы узнаемъ здѣсь, что до 1845-го года евреи въ Россіи носили бѣлые или синіе чулки, что пуховыя перины и подушки у современныхъ Могилевскихъ евреевъ дѣлаются изъ синяго ситца, а ихъ бѣлое молитвенное покрывало (Талэсъ) обшивается по краямъ тремя полосами синяго цвѣта. Наконецъ, сами мы, наблюдая домашній и общественный бытъ евреевъ преимущественно въ Волынской губерніи, встрѣчали синяго или голубого цвѣта: 1) тѣ полосы по краямъ „Талэса“, о которыхъ говоритъ г. Дембовецкій; 2) занавѣсъ кивота, въ которомъ хранятся свитки Торы; 3) такъ-называемыя „рубашечки“ или чехлы, въ которыхъ сохраняются самыя свитки и 4) платки, обыкновенно составляющіе собственность синагоги, которыми женихи на еврейскихъ свадьбахъ накрываютъ, по обряду, голову своихъ невѣстъ. Но всѣ эти предметы намъ приходилось встрѣчать и другихъ цвѣтовъ; занавѣси и „рубашечки“ Торы—темно-коричневаго цвѣта, полосы на краяхъ Талэса—чернаго, а свадебныя платки бѣлаго цвѣта. Знатки еврейскихъ законовъ и обычаевъ, спрошенные нами по этому поводу, дали слѣдующія небезынтересныя свѣдѣнія: „дѣйствительно, говорили они, у древнихъ евреевъ голубой цвѣтъ, называвшійся по древне-еврейски „Схелесъ“ (что по научному словарю Штетберга значитъ: „конецъ видимаго міра, туманная даль, глубь небснаго свода, синева, лазурь небсная, а отсюда пряжа синяго цвѣта“), игралъ несравненно болѣе значительную роль, чѣмъ теперь у насъ. Въ нѣмецкомъ переводѣ Библии слово „схелесъ“ передано словомъ „желтый“, но это совершенно невѣрно: въ Талмудѣ (трактатъ Babamezia 61) рассказывается, что фарисеи, чтобы показать народу свое благочестіе, носили въ изобиліи части одежды синяго цвѣта, но при этомъ фальсифицировали очень дорогую краску цвѣта „схелесъ“, предписанную закономъ, при помощи индиго. Кромѣ того, въ сборникѣ легендъ, изданномъ на древне-еврейскомъ языкѣ Шульманомъ, приводится на этотъ счетъ очень интересная легенда, такого содержанія:

„Дѣло происходило въ Іерусалимѣ. Одинъ весьма ученый раввинъ си-

дѣлъ въ
туда же
кое-то не
его ребен
мой, не
Талэса.
раввинъ
синій ц
мета. Ара
бого опеч
сердце не
зировалас
смерти“.

Въ
голубой п
„Менахот
изъ крови
появлялас
стоятельств
рода осво
разрѣшить
дикъ (бла
изъ гор. I
одномъ ак
сталъ при
щаго време
сать „цыц
стороны ца
для „хорош
лигіозныхъ

Если
одеждѣ встр
синихъ един
библейскихъ
Койфынь (г
немъ сини
Алжирскіе и
наго цвѣта
О синевѣ

дѣлъ въ синагогѣ, углубившись въ свои ученые занятія, какъ вдругъ является туда же его знакомый и сообщаетъ раввину, что въ его домѣ случилось какое-то несчастіе (по однимъ вариантамъ заболѣла жена раввина, по другимъ— его ребенокъ). Пораженный извѣстіемъ, раввинъ стремительно побѣжалъ домой, не успѣвъ даже въ поныхахъ снять надѣтаго на него въ эту минуту Талеса. По дорогѣ встрѣтилъ его арабъ духовнаго званія и, замѣтивъ на раввинѣ плащъ снѣга цвѣта, счелъ свою религію оскорбленной, такъ какъ синій цвѣтъ составляетъ исключительную принадлежность потомковъ Магомета. Арабъ выхватилъ ножъ и съ яростью бросился на разсѣянаго и глубоко опечаленнаго раввина. Холодная сталь уже готова была вонзиться въ сердце несчастнаго, но по волѣ Провиденія, рука убійцы мгновенно парализовалась, и благочестивый раввинъ былъ спасенъ чудомъ отъ неминуемой смерти“.

Въ Талмудѣ же мы находимъ объясненіе, почему у современныхъ евреевъ голубой цвѣтъ пересталъ играть выдающееся значеніе, а именно въ трактатѣ „Менахотъ“ 44) говорится, что голубой цвѣтъ (схелесъ) приготовлялся изъ крови рыбы, извѣстной подъ именемъ „алузэнъ“. Рыба эта будто бы появлялась въ 70 лѣтъ разъ и составляла потому большую рѣдкость; это обстоятельство, будто бы и заставило позднѣйшихъ законодателей еврейскаго народа освободить его отъ обязательнаго ношенія „цыцэсъ“ снѣга цвѣта и разрѣшить для ношенія кисти изъ бѣлой пряжи. Интересно, что нѣкій падикъ (благочестивый), по имени Гершонъ Генохъ, недавно умершій, родомъ изъ гор. Радзина, Сѣдлецкой губ., утверждалъ, что ему удалось найти въ одномъ акваріумѣ въ Италіи рыбу „халузэнъ“. По возвращеніи домой онъ сталъ готовить на продажу эту краску, чѣмъ занимаются и до настоящаго времени наслѣдники и приверженцы этого падика (цѣлая секта) и носятъ „цыцэсъ“ не бѣлаго, а голубого цвѣта. Весьма вѣроятно, что со стороны падика вся эта выдумка была чистой мистификаціей, сочиненной лишь для „хорошаго гешефта“, но она характеризуетъ благоговѣйное отношеніе религіозныхъ евреевъ къ голубому цвѣту“.

Если у русскихъ и западно-европейскихъ евреевъ голубой цвѣтъ въ одеждѣ встрѣчается, сравнительно, рѣдко, то у ихъ азіатскихъ и африканскихъ единовѣрцевъ, повидимому, кое-что сохранилось по этой части отъ библейскихъ временъ. Такъ, на примѣръ, китайскіе евреи, живущіе въ городѣ Койфынѣ (главномъ въ провинціи Хэ-нань) извѣстны китайцамъ подъ именемъ синихъ мусульманъ по цвѣту шапокъ ихъ раввиновъ (300). А Алжирскіе и Тунисскіе евреи зимою носятъ „длинный круглый плащъ снѣга цвѣта“ (301).

О синемъ цвѣтѣ у литовцевъ мы узнали кое-что отъ латышскаго этно-

графа, г. Новицкаго, который на латышской этнографической выставкѣ, бывшей въ г. Ригѣ въ 1896-мъ году, состоялъ однимъ изъ главныхъ ея распорядителей, а въ настоящее время завѣдуетъ латышскимъ этнографическимъ музеемъ въ томъ же городѣ. Показывая намъ на выставкѣ ткацкія издѣлія своего народа, въ которыхъ преобладали красный и зеленый цвѣта, г. Новицкій замѣтилъ, что эти два цвѣта настолько же характерны для латышей, какъ синій для ихъ ближайшихъ сосѣдей литовцевъ, а потому латыши считаютъ этотъ послѣдній цвѣтъ отличительнымъ признакомъ для литовца. Кромѣ того, у Д. Афанасьева (302) мы находимъ сообщеніе, что „обыкновенный подвѣнечный нарядъ невѣсты (у литовцевъ) составляетъ синій суконный кафтанъ, что богатая женщины литовки въ уѣздахъ Вилькомирскомъ и Новоалександровскомъ „даже и въ будни носятъ юбки изъ тонкой голубаго цвѣта шерстяной матеріи, а мужчины литовцы носятъ кафтанъ, называемый кумала изъ льняной, смѣшанной съ шерстью ткани, подкрашенной въ синій или зеленый цвѣтъ“.

Въ Забужской Руси, т. е. въ тѣхъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи, гдѣ, какъ было описано выше, сохранился обычай трубить въ трубу, намъ приходилось бывать лично во многихъ селахъ и деревняхъ для собиранія этнографическаго матерьяла, а потому мы можемъ привести здѣсь наши личные наблюденія. Въ этой мѣстности старинные народные костюмы крестьянъ исчезаютъ можно сказать съ каждымъ днемъ, замѣняясь полугородскимъ костюмомъ, общимъ почти всему Царству Польскому. Но намъ удалось кое-гдѣ оазисами встрѣчать здѣшній старинный костюмъ во всѣхъ четырехъ русскихъ уѣздахъ Сѣдлецкой губерніи: Константиновскомъ, Радинскомъ, Бѣльскомъ и Влодавскомъ. Мѣстами онъ сохранился еще и у молодежи, какъ напримѣръ во Влодавскомъ уѣздѣ, а чаще носится людьми пожилыми или стариками (въ остальныхъ трехъ уѣздахъ). Костюмъ этотъ, впрочемъ, распространяется отсюда далеко во всѣ стороны, на востокъ въ Гродненскую, Минскую и Витебскую губернію, на югъ въ сѣверную часть Волынской губерніи, въ Люблинскую и Кѣлецкую и, наконецъ, на западъ въ другіе уѣзды Сѣдлецкой губерніи: Луковскій и Сѣдлецкій. О распространеніи этого костюма въ западной Россіи, въ Галиціи и Польшѣ и о различныхъ его видоизмѣненіяхъ по мѣстностямъ мы имѣемъ довольно обширный матерьялъ и намѣреваемся напечатать его въ отдѣльной статьѣ, теперь же опишемъ его лишь въ общихъ чертахъ. Мужчины носятъ сверхъ сорочки короткіе полукафтаны (съ рукавами) изъ бурога или чернаго сукна, по здѣшнему „кабаты“, а сверхъ нихъ надѣваютъ длинныя кафтаны такого же сукна, носящіе различныя названія по мѣстностямъ, какъ-то: сукманы, свиты, кафтаны и проч. На головѣ шапка съ барашковымъ околышемъ (чернымъ) и съ верхомъ о четырехъ углахъ,

какъ у польской конфедератки или у нашей кучерской шапки. У женщинъ „кабаты“ замѣняются кофтами изъ чернаго же сукна, а верхняя одежда (сукманъ) совершенно такая же, какъ у мужчинъ. Характерной особенностью такого костюма для насъ являются его украшенія: онъ обшивается по всеѣмъ швамъ, по борту, по воротнику, по рукавамъ и по обшлагамъ голубыми шерстяными шнурами, а иногда кромѣ того украшаются на груди шнурами того же цвѣта, идущими поперекъ груди (какъ у гусарь). Верхъ шапки дѣлается изъ голубого сукна. Такой костюмъ намъ приходилось, напримѣръ, встрѣчать на праздникѣ въ Лѣсенскомъ монастырѣ Константиновскаго уѣзда на крестьянахъ того же уѣзда, приходившихъ въ монастырь на богомолье. Въ Радинскомъ уѣздѣ онъ сохранился уже только у стариковъ, мы видѣли его въ селахъ: Дрелевѣ, Рудно, Радче, Гусѣ, Яблонѣ, Дагдахъ и Оссовѣ. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ онъ существуетъ въ с. Кіѣвцѣ, въ Межилъсѣ, Долгобродахъ, Ганнѣ и Кузовкѣ, а во Влодавскомъ въ селахъ: Орховецѣ, Оконники и Вырыки (гмины Шиминна). Такой же костюмъ за исключеніемъ шапокъ съ голубымъ верхомъ мы видѣли на крестьянахъ Гродненской губ. Брестскаго уѣзда, бывшихъ на богомольи въ Лѣсенскомъ монастырѣ, они были изъ слѣдующихъ волостей: Мотыкальской (Чилѣво и Тухеничи), Каннежуровской (Пугачово), Половецкой (Бобровка и Ставище), Лыщицкой (Лыщицы, Яцковичи и Подгубятчи), Мѣдянской, Домачевской, Приборовской и Ольшанской. Такіе же голубые канты (по здѣшнему „куснычки“) съ прибавкою красныхъ есть въ Волчанской волости (Гожевичи) и въ Лыщицкой (Кустынъ).

Кромѣ того въ селахъ Ганна и Долгоброды Бѣльскаго уѣзда Сѣдлецкой губ. молодые парни свои соломенные шляпы украшаютъ по тульѣ непременно голубой лентой, концы которой свѣшиваются на спину. Далѣе въ Радинскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губ. въ селахъ: Руднѣ, Радчѣ, Дрелевѣ и Оссовѣ все мужчины, какъ взрослые, такъ и дѣти носятъ штаны изъ домотканной матеріи ярко-голубого цвѣта. Тамъ же, въ Радинскомъ уѣздѣ, а кромѣ того въ уѣздахъ Бѣльскомъ и Константиновскомъ мы собирали для Петербургскаго этнографическаго музея (при Академіи Наукъ) образцы домотканыхъ матеріи и въ нихъ преобладающимъ былъ синій цвѣтъ. Но особенно сильнымъ пристрастіемъ къ синему и голубому цвѣту въ разсматриваемой нами мѣстности отличаются села Сѣдлецкой и Гродненской губерній, прилегающія къ рѣкѣ Бугу, выше города Брестъ-Литовска. Здѣсь существуетъ обычай подсинивать все бѣлье какъ мужское, такъ и женское, носимое и постельное и даже полотняные мѣшки, употребляемые въ хозяйствѣ; синятъ все это такъ сильно, что полотно представляется не бѣлаго, а голубого цвѣта. Въ особенности цвѣтъ этого бѣлья бросается въ глаза на праздникѣ въ гор. Холмѣ

(8-го Сентября), гдѣ Бѣльскіе и Влодавскіе крестьяне изъ мѣстностей, прилегающихъ къ Бугу, рѣзко выдѣляются изъ остальной толпы богомольцевъ голубымъ цвѣтомъ своего бѣлья. Здѣсь же кромѣ того принято вышивать мужскія и женскія рубашки на груди на плечахъ и на рукавахъ, и вышивки эти дѣлаются исключительно нитками голубаго и чернаго цвѣта. Но любовь здѣшнихъ крестьянъ къ синему цвѣту не ограничивается одной одеждой: если кто нибудь изъ болѣе состоятельныхъ жителей села надумаетъ покрасить босы и рамы своихъ оконъ и ихъ ставни, то красить ихъ не иначе, какъ въ голубой цвѣтъ. Последнее явленіе кромѣ мѣстностей, прилегающихъ къ р. Бугу съ обѣихъ сторонъ, мы встрѣчали еще и въ Радинскомъ уѣздѣ. Любопытно, что даже при раскопкахъ въ селѣ Чекановѣ Сѣдлецкой губерніи были найдены въ могилахъ бусы бѣлаго, синяго и близкаго къ синему фіолетоваго цвѣта (303). Быть можетъ, что такіе бусы служили въ древности амулетомъ, такъ какъ и теперь еще евреи, греки, армяне и мусульмане въ Турціи вѣшаютъ на шею своихъ новорожденныхъ и пришиваютъ на ихъ колпачки разныя мелкія изображенія изъ голубого стекла какъ предохранительное средство отъ „дурного глаза“ (304).

Что касается синяго цвѣта въ одеждѣ Волынской губерніи, то мы, собирая этнографическій матерьялъ въ этой губерніи, находили тамъ синий цвѣтъ только въ сѣверо-западномъ ея углу, въ уѣздахъ: Владиміро-Волынскомъ, Ковельскомъ, Луцкомъ и отчасти въ Кременецкомъ. Въ Луцкомъ и Кременецкомъ уѣздахъ встрѣчаются такія же какъ въ Гродненской и Сѣдлецкой губерніяхъ черныя „свиты“ съ голубыми кантами, а въ Ковельскомъ и Владиміро-Волынскомъ—бѣлыя „свиты“ тоже съ голубыми кантами, но только преимущественно у женщинъ, тогда какъ у мужчинъ встрѣчаются и бурья „свиты“ съ красными кантами и сѣрыя съ черными. Кромѣ того въ Ковельскомъ уѣздѣ намъ случилось видѣть у крестьянъ зимнія черныя барашковыя шапки („кучмы“), съ ярко-голубымъ суконымъ верхомъ. Въ остальныхъ же уѣздахъ Волынской губерніи, также какъ и вездѣ въ Малороссіи, излюбленнымъ цвѣтомъ, какъ для украшенія одежды, такъ и жилища, является красный.

Чтобы закончить съ излюбленными цвѣтами для украшенія одежды въ разсматриваемомъ нами районѣ западной Россіи, гдѣ существуетъ обычай трубить осенью, необходимо коснуться еще одного весьма интереснаго факта, нами замѣченнаго. Дѣло въ томъ, что въ Брестскомъ уѣздѣ Гродненской губерніи, тамъ же, гдѣ мы указали рядъ селъ, имѣющихъ черныя или бурья свиты съ голубыми кантами, въ перемѣнку съ этими послѣдними, есть другія села, которые также имѣютъ обычай трубить осенью, но въ которыхъ носятъ бурья или черныя свиты съ зелеными кантами. Этотъ цвѣтъ кан-

товъ, в
западъ
Ковель
тить, ч
ни въ
поводъ
украш
какъ
такіе
красны
лаемъ
томъ б
ческомъ
голуб
которы
Волька
Колѣн
(Верхо
литовск
Е
Варшав
обычай
костюм
гдѣ, ка
старики
съ гол
К
ныхъ н
голубой
лецкой
рабочихъ
которые
досами
изготовл
преоблад
шляхта,
чается о
жилица
мелкой и

товъ, какъ намъ приходилось наблюдать, не распространяется отсюда ни на западъ въ Польшу, ни на востокъ въ Бѣлоруссію, и только на югъ въ Ковельскій и Владиміро-Волынскій уѣзды Волынской губерніи. Надо замѣтить, что зеленый цвѣтъ кантиковъ нигдѣ болѣе, кромѣ упомянутой мѣстности, ни въ Польшѣ, ни въ западной Россіи, мы не встрѣчали, что и даетъ намъ поводъ предполагать, что народъ, придерживаясь обычая своихъ предковъ, украшать свою одежду матеріей извѣстнаго цвѣта не такъ чувствителенъ, какъ мы, въ дѣлѣ разбора цвѣтовъ, а потому смѣшиваетъ между собой такіе близкіе цвѣта, какъ синій и зеленый, какъ синій и фіолетовый, какъ красный и оранжевый и т. под. Поэтому, какъ кажется, что мы не едимъ большой ошибки, если мѣстности съ излюбленнымъ зеленымъ цвѣтомъ будемъ считать весьма близкими или даже одинаковыми въ этнографическомъ отношеніи съ такими, въ которыхъ излюбленнымъ цвѣтомъ является голубой. Вотъ списокъ деревень Брестскаго уѣзда Гродненской губ., въ которыхъ свиты украшаются кантами зеленого цвѣта: Песчатка, Волька, Хлѣвище, Тулинъ и Ключковичи (Половецкой волости), Миневичи, Колѣнковичи, Копылы, Юсичи, Подбурье, Березовка, Радѣевичи и Ясиновка (Верховической волости). Сюда же надо отнести деревню Чернево Высоколитовской волости, гдѣ канты зеленые съ краснымъ.

Если мы затѣмъ обратимся къ польской мелкой шляхтѣ Сѣдлецкой, Варшавской, Ломжинской и Плоцкой губерній, среди которой распространенъ обычай трубить въ осеннее полугодіе, то увидимъ, что здѣсь старинный костюмъ уже исчезъ, вытѣсненный новѣйшимъ, полугородскимъ, однако коегдѣ, какъ напримѣръ, въ дер. Воевудкѣ Соколовскаго уѣзда (Сѣдлецкой губ.) старики рассказывали намъ, что прежде у нихъ также носили черную свиту съ голубыми кантами.

Какъ бы то ни было, но въ настоящее время у шляхты перечисленныхъ нами 4-хъ губерній свиты съ голубыми кантами уже не носятъ, но голубой цвѣтъ намъ приходилось наблюдать въ Соколовскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи и въ Островскомъ Ломжинской у мужчинъ — въ будничныхъ рабочихъ шароварахъ голубого цвѣта, а у женщинъ — на передникахъ, которые почти исключительно ткуются полосатыми синими, или голубыми полосами попеременно съ бѣлыми. Кромѣ того въ домотканыхъ матеріяхъ, изготовляемыхъ здѣшной шляхтой, также какъ и у русскихъ Сѣдлецкой губ., преобладаетъ синій цвѣтъ. Косяки оконъ и дверей, а также ставни здѣшняя шляхта, если окрашиваетъ, то непременно въ голубой цвѣтъ, чѣмъ отличается отъ вѣстьянъ, живущихъ рядомъ и красящихъ тѣ же части своего жилища въ желтый и красный цвѣтъ. Живя два года на дачѣ въ домахъ мелкой шляхты, въ деревнѣ Ростки Веляки, близъ мѣстечка Малкина (Ост-

ровскаго уѣзда), мы просто поражались, какъ сильно въѣлась въ нашихъ хозяевахъ быть можетъ многовѣковая привычка къ синему и голубому цвѣту. Такъ напримѣръ, бывая въ хатахъ нашихъ сосѣдей, мы всюду находили на ихъ столахъ миниатюрныя крестики, замѣняющіе распятія, непременно голубого цвѣта, а на нихъ были повѣшаны четки тоже голубого цвѣта.

Въ Варшавской губерніи, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ лигавки и въ Плоцкой губерніи такихъ подробныхъ наблюденій надъ внѣшнимъ бытомъ крестьянъ намъ дѣлать не приходилось, но близко отъ этихъ мѣстъ, въ самомъ городѣ Варшавѣ, у здѣшнихъ мѣщанъ, голубой цвѣтъ считается любимымъ цвѣтомъ Божьей матери, а потому на здѣшнихъ католическихъ процессіяхъ у всѣхъ дѣвушекъ и дѣвочекъ, участвующихъ въ несеніи разныхъ реликвій, ихъ бѣлыя платья украшены непременно голубыми лентами и подпоясаны голубыми кушаками, голубыя же ленты употребляются и для украшенія образовъ, носимыхъ въ процессіи. Наконецъ, любопытнѣе всего обычай, существующій среди здѣшнихъ мѣщанъ католиковъ, это посвящать по обѣту своихъ дѣтей Божьей матери. Въ этомъ обѣтѣ для насъ всего интереснѣе то, что дѣвочекъ, посвященныхъ Божьей матери, до семи лѣтъ одѣваютъ въ платья исключительно голубого цвѣта.

О голубомъ цвѣтѣ въ одеждѣ черемисовъ мы имѣемъ свѣдѣнія только изъ Царевококшайскаго уѣзда Казанской губерніи. Въ книгѣ профессора Казанскаго университета, И. Н. Смирнова, „Черемисы“ (стр. 78) сообщается, что праздничныя кафтаны тамошнихъ женщинъ шьются изъ снѣга или зеленого сукна. Кромѣ того изъ полного женскаго черемисскаго костюма этой мѣстности и модели мужскаго въ маломъ видѣ, пріобрѣтенныхъ нами для музея Императорской Академіи Наукъ, видно, что мужчины здѣсь носятъ бѣлыя свиты съ голубыми кантами, какъ у женщинъ малороссіянокъ во Владиміро-Волынскомъ и Ковельскомъ уѣздахъ Волынской губ., а женщины при лѣтнемъ костюмѣ сверхъ халатообразной бѣлой рубахи подпоясываются широкимъ и длиннымъ синимъ кушакомъ.

О синемъ цвѣтѣ у мингрельцевъ мы имѣемъ лишь только двѣ краткія замѣтки: во-первыхъ, что богатые изъ нихъ носятъ темно-синюю „чуху“ (верхнее платье), а подъ нею блѣдно-голубой „архалукъ“ (305). Кромѣ того мингрельскія женщины покрываютъ или покрывали до недавняго времени свое лицо голубыми и черными полосками (родъ татуировки) (306).

Чтобы покончить съ голубымъ цвѣтомъ, мы приведемъ въ заключеніе свидѣтельство путешественниковъ, изъ котораго можно заключить, что и для жителей Тибета голубой цвѣтъ имѣетъ, если не вполне религіозное, то полу-религіозное значеніе.

Главной чертой Тибетскаго этикета служитъ поднесеніе „шарфовъ“ счас-

тія“, ма-
раза для
цахъ, н
не путев
прося н
и подно
первое
желл ру
ваютъ
считае
о тебет
платьем
свѣта
мы оти
народов
чашъ к
являютъ
древніе
Пикты
отличаю
окраши
губы ла
вокругъ
въ обла
шенною
Д-ръ Эд
(310). Н
краску
разказ
В
мѣшним
ской пе
воспѣва
тучей, о
какъ у н
страсти
могутъ
С
въ особе
везенны
(«Мата
одежды
питайск
второст
жить то
красны
ный тра
траура

тія*, маленькихъ шелковыхъ доскутковъ блѣдно-голубого цвѣта въ три раза длиннѣе собственной ширины, обыкновенно съ бахромой на обоихъ концахъ, называемыхъ „кхату“. Они всевозможныхъ видовъ и цѣнъ; никто не путешествуетъ, не запасшись ими. Приходя къ человѣку или къ божеству, прося какой-нибудь милости, каждый начинаетъ съ того, что беретъ „кхату“ и подноситъ его. Если два друга встрѣтятся послѣ долгой разлуки, ихъ первое дѣло обмѣняться „вхатами“, что имѣетъ еще большее значеніе, нежели рукопожатіе у европейцевъ. Если тибетцы пишутъ письмо, то вкладываютъ въ него „кхату“; самый низкій поклонъ или величайшій подарокъ считается за ничто, если не сопровождается „кхатой“ (307). Кромѣ того о тибетцахъ побогаче пишутъ, что они, не довольствуясь обыкновеннымъ платьемъ желто-бѣлаго цвѣта, покупаютъ себѣ еще платье изъ синяго ситца (308)*).

*) Вышеприведенными примѣрами пристрастія разныхъ народовъ къ голубому цвѣту мы отнюдь не желали доказать, что цвѣтъ этотъ пользуется уваженіемъ, только у тѣхъ народовъ, о которыхъ здѣсь было упомянуто. Есть кромѣ нихъ и другіе народы, объ обычаяхъ которыхъ съ трубой мы ничего или почти ничего не знаемъ, но которые также проявляютъ несомнѣнное пристрастіе къ голубому цвѣту. Такъ Ш. Летурно передаетъ, что древніе Кельты и Иллирійцы татуировались въ голубой цвѣтъ, а Германцы, Бритты и Пикты раскрашивали свое тѣло голубой краской. Пристрастіемъ къ голубому цвѣту отличаются также Персіяне и азіатскіе арабы. Первые (въ нѣкоторыхъ провинціяхъ) окрашиваютъ себѣ бороду въ индиго, а щеголихи у Багатскыхъ арабовъ окрашивали себѣ губы лазурью, на колѣнахъ рисовали лазуревые кружки, вокругъ талии голубой поясъ, а вокругъ каждой груди голубые цвѣты. Тоже видимъ мы и въ Суданѣ, въ Африкѣ. Здѣсь въ области Нигера, около озера Чадъ, путешественники видѣли султана съ бородою, окрашенною въ голубой цвѣтъ (309). Тамъ же въ городѣ Кукъ знаменитый путешественникъ, Д-ръ Эдуардъ Фогель видѣлъ женщинъ, которые мазали себѣ лицо и руки краскою индиго (310). Наконецъ, у народа Гауза въ Среднемъ Суданѣ, женщины окрашиваютъ въ голубую краску свои волосы, руки, ноги, бедра и брови (311). О феллахъ въ средней Африкѣ рассказываютъ также, что они красятъ свои волосы краскою индиго (312).

Въ западной Индіи у женщинъ голубой цвѣтъ остался до настоящаго времени любимѣйшимъ цвѣтомъ для одежды. На памятникахъ индусской живописи, найденныхъ въ Аятской пещерѣ, женщины одѣты въ платье голубого цвѣта. Древніе индусскіе поэты постоянно воспѣваютъ женщину, одѣтую въ платье голубого цвѣта и сравниваютъ ее съ грозовой тучей, освѣщенной блескомъ молніи. Даже палачи одѣваютъ тамъ платье не краснаго цвѣта, какъ у насъ въ Европѣ, а голубого (313). Но что далеко не вся Индія раздѣляетъ пристрастіе къ голубому цвѣту, видно изъ того, что лица, принадлежащія къ сектѣ Вишну, не могутъ имѣть въ своей одеждѣ ничего синяго (314).

Синій цвѣтъ принадлежитъ также къ числу весьма уважаемыхъ цвѣтовъ въ Китаѣ, въ особенности у простонародья. Г. Е. Грумъ-Гржимайло, передавая свои впечатлѣнія, вывезенныя изъ Китая, говоритъ: «Монотонность во всемъ: синія громадныя матовыя («Мата» — очень грубая мѣстная бумажная матерія) вѣфски, синіе экипажи, синія одежды на богачахъ и на нищихъ...» (315). У Расинэ (316) говорится, что хотя въ костюмѣ китайской императорской фамилии есть голубой цвѣтъ, но въ ряду другихъ цвѣтовъ онъ второстепенный, онъ цвѣтъ низшихъ классовъ народонаселенія. Желтый цвѣтъ принадлежитъ только императору, принцамъ крови и тѣмъ, кому государь дозволитъ его носить, красный цвѣтъ принадлежитъ мандаринамъ, а черный, синій и фіолетовый — всемъ. Обычный траурный цвѣтъ у китайцевъ составляютъ бѣлые и темносѣрые цвѣта, для глубокаго же траура служитъ синій цвѣтъ (317).

Голубой цвѣтъ въ одеждѣ интересующей насъ мѣстности западной Россіи, какъ мы видѣли выше, принять только какъ украшеніе, самая же одежда дѣлается изъ чернаго сукна. Въ Бѣльскомъ уѣздѣ Сѣдлецкой губерніи вездѣ, гдѣ сохранились голубые канты въ костюмѣ крестьянъ, самое платье ихъ, т. е. нижнія куртки („кабаты“) и сукманы непременно чернаго цвѣта, и наоборотъ: гдѣ исчезли голубые канты, костюмъ изъ чернаго дѣлается преимущественно сѣрымъ. Тоже самое можно сказать объ уѣздахъ Радвинскомъ, Константиновскомъ и Влодавскомъ, а еще того болѣе о Гродненской губерніи, гдѣ старинный костюмъ сохранился въ большей неприкосновенности, чѣмъ въ Сѣдлецкой.

Въ костюмѣ польской мелкой шляхты Сѣдлецкой и Ломжинской губерній въ настоящее время почти ничего не сохранилось чернаго цвѣта, такъ какъ черное сукно у простонародья вездѣ замѣняется сѣрымъ по его большей практичности. Но мѣстами сохранились на сѣрыхъ сукманахъ обшивки изъ чернаго сукна, а мѣстами, гдѣ и такой остатокъ старины уже исчезъ, между стариками сохранилось воспоминаніе о прежнихъ сѣрыхъ сукманахъ съ черной обшивкой. Если черный цвѣтъ еще въ чемъ здѣсь и сохранился, такъ это въ домотканыхъ матеріяхъ, въ которыхъ преобладаютъ черный и синій цвѣты. Черный цвѣтъ верхней одежды хотя безъ голубыхъ кантовъ, удержался сравнительно болѣе въ Новоминскомъ уѣздѣ Варшавской губерніи.

О черномъ цвѣтѣ одежды у литовцевъ мы, къ сожалѣнію, имѣемъ только краткія свѣдѣнія изъ Сувалкской губерніи. „Одежду мужчинъ составляетъ жилетъ обыкновенно темный и кафтанъ изъ чернаго сукна или пестраго (или даже одноцвѣтнаго темнаго, почти — чернаго цвѣта)“ (318).

Объ одеждѣ предполагаемыхъ остатковъ ятвяговъ, нынѣ исчезнувшаго народа литовскаго племени, одинъ изъ лучшихъ историковъ литвы, г. Нарбутъ (319), передаетъ, что восточнѣе Гродна въ Свадельской волости Гродненскаго уѣзда по берегамъ рѣкъ Котры и Целассы остались слѣды ятвяговъ. Населеніе этихъ мѣстностей сосѣдніе литовцы называютъ *jodwezai*, что значитъ по литовски „черные рога“. О другихъ также предполагаемыхъ потомкахъ ятвяговъ въ Бѣльскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи въ волостяхъ Шкуруецкой и Гродзиской въ нѣсколькихъ деревняхъ по рѣкѣ Нурцу говорятъ, что они отличаются своими нравами, преданіями и внѣшностью отъ сосѣднихъ жителей. Они высокаго роста, имѣютъ смуглый цвѣтъ

Что касается Европы вообще и Россіи въ особенности, то тамъ пристрастіе къ синему и красному цвѣту распространяется на значительныя области, но идетъ постоянно перемежаясь: то одолеваетъ синій, то красный цвѣтъ, причемъ какъ во всей Европѣ, такъ и у отдѣльныхъ ея народовъ красный цвѣтъ, какъ кажется, преобладаетъ преимущественно на югѣ, а синій — на сѣверѣ. Но къ этому предмету мы еще вернемся въ отдѣльной статьѣ.

лица
гавт
гда
и од
и т.
не С
вол
но
даст
внт
чер
ско
зап
ны
что
на
пов
нар
точ
обы
гдѣ
вн
цви
тог
онъ
Изъ
цвѣт
бени
ско
и на
врем
кулы
одеж
Тотъ
рами
рнть
ныхъ
ой
нап
рыхъ
был
Поль
шко
вско

лица и въ одеждахъ предпочитаютъ темные цвѣта. Поэтому предпола-
 гаютъ, что мѣстные названія съ прилагательными черныи указываютъ ино-
 гда на то, что здѣсь жили ятвяги, отличавшіеся чернымъ цвѣтомъ тѣла
 и одежды. Таковы напримѣръ деревни: Черная Весь, Черный Стовъ
 и т. под. „Не можетъ, говоритъ г. Яичукъ, отъ котораго мы это заимствуемъ,
 не броситься въ глаза тотъ фактъ, что по дорогѣ изъ Бѣлостока въ Со-
 колку нѣсколько деревень рядомъ носятъ названіе Черная Весь“.

О черномъ цвѣтѣ одежды у древнихъ евреевъ мы ничего не знаемъ,
 но у современныхъ евреевъ нашего западнаго края, какъ извѣстно, преобла-
 даетъ особенно въ мужскомъ костюмѣ черный цвѣтъ: достаточно припом-
 нить ихъ длиннополые сюртуки и пальто и бархатные картузы исключительно
 чернаго цвѣта. А. С. Дембовецкій (321), рассказывая о прежнемъ еврей-
 скомъ костюмѣ, который этотъ народъ носилъ до 1845 г., въ Польшѣ и
 западной Россіи, говоритъ, что балахонъ ихъ, шапка и поясъ были чер-
 ные. Про Алжирскихъ и Тунисскихъ современныхъ евреевъ говорятъ тоже,
 что старые и правовѣрные изъ нихъ никакихъ другихъ цвѣтовъ, кромѣ чер-
 наго, не носятъ (322).

О черномъ цвѣтѣ у мингрельскаго народа мы можемъ здѣсь только
 повторить слова Ш. Летурно, приведенныя нами выше, что женщины этого
 народа раскрашиваютъ свои лица не только голубыми, но и черными чер-
 точками (323).

О цвѣтѣ одежды у тибетцевъ путешественники сообщаютъ, что она
 обыкновенно темныхъ цвѣтовъ, за исключеніемъ Кашмирской окраины,
 гдѣ мужчины одѣваются въ бѣлое, а женщины въ черное (324)*).

*) Нужно замѣтить, что пристрастіе къ чернаго цвѣта одеждамъ далеко не предста-
 вляетъ собою рѣдкости. Уже не говоря о пристрастіи къ этому цвѣту западныхъ европей-
 цевъ, у которыхъ наиболѣе приличнымъ костюмомъ мужчины считается черный, и кромѣ
 того цвѣтъ этотъ составляетъ принадлежность глубокаго траура, мы знаемъ, что въ Византіи
 онъ былъ принятъ, какъ цвѣтъ монашеской одежды, откуда перешелъ и къ намъ въ Россію.
 Изъ числа прочихъ европейскихъ народовъ мы можемъ указать на уваженіе къ черному
 цвѣту нѣкоторыхъ изъ кавказскихъ народовъ, какъ грузинъ (325), осетинъ (346) и осо-
 бенно тушинъ (327). У кавказскихъ армянъ при выборѣ матерій на разныя части муж-
 ского костюма преимущество также отдается черному цвѣту (Сбор. свѣд. для опис. мѣст.
 и пл. кавк. вып. 13, 1892, стр. 75). Изъ числа азіатскихъ народовъ у Индусовъ ихъ богъ
 времени (соотвѣтствующій Сатурну) изображался въ платьѣ чернаго цвѣта (Истор. виѣши.
 культ. Ф. Готтенротъ. Изд. Вольфа, стр. 148). У Арабовъ въ 16 столѣтіи національная
 одежда былъ бурнусъ, сдѣланный преимущественно изъ черной шерсти (Ibid. стр. 161).
 Тотъ же цвѣтъ пользовался уваженіемъ у древнихъ китайцевъ до завоеванія ихъ манджу-
 рами, какъ это видно изъ словъ нашего путешественника г. Грумъ-Гржимайло. Онъ гово-
 ритъ, что видѣнные имъ (въ западномъ Китаѣ) китайскіе жрецы, хотя были въ поношен-
 ныхъ, но національныхъ черныхъ костюмахъ, и добавляетъ въ примѣчаніи: современ-
 ный цвѣтъ китайскаго костюма «навязанъ имъ (китайцамъ) ихъ побѣдителями манчурами,
 національный же (т. е. черный) сохранился только у жрецовъ и при совершеніи нѣкото-
 рыхъ религіозныхъ обрядовъ» (328). У китайскихъ татарокъ въ прежнія столѣтія одежда
 была исключительно чернаго цвѣта (Истор. виѣши. культ. Ф. Готтенротъ. Изд.
 Вольфа, стр. 185). Наконецъ у древнихъ Мексиканцевъ мальчики, воспитывавшіеся въ
 школахъ монастырскаго характера, одѣвались въ черное платье (Ш. Летурно. Эволюція
 воспитанія. Спб., 1900, стр. 144).

Если отъ чертъ, общихъ всѣмъ разсматриваемымъ нами здѣсь народамъ, мы перейдемъ къ чертамъ общимъ между двумя или тремя изъ нихъ, то особенно любопытные признаки національнаго сходства мы найдемъ между Полѣшукми Минской губерніи съ одной стороны и черемисами съ другой. Интересно, что оригинальнѣйшіе головные уборы женщинъ Минскаго Полѣсья, которые носятъ названія: „пухоўка“ (Мозырскаго уѣзда), „голова“ (того же уѣзда) и „лямецъ“ (Пинскаго уѣзда) чрезвычайно сходны по своему виду и устройству съ женскимъ же головнымъ уборомъ у черемисъ, называемымъ „Сорокой“. Образцы всѣхъ этихъ четырехъ головныхъ уборовъ были нами пріобрѣтены для музея Императорской С.-Петербургской Академіи наукъ, а потому мы имѣли возможность познакомиться съ ними во всѣхъ ихъ мельчайшихъ деталяхъ.

Пухоўку мы нашли въ с. Давыдъ-Городокъ, въ дер. Хорскъ, въ с. Ольшанкѣ и въ с. Хоромномъ (Мозырскаго уѣзда). Она состоитъ изъ повязки въ формѣ кокошника высотой около 2 вершковъ, сдѣланной изъ грубой бѣлой холстинки. Между двумя рядами этой холстинки нашивается пакля и прошивается нитками, такъ что повязка эта остается на головѣ въ стоячемъ положеніи. На затылкѣ она натуго стягивается и завязывается. Къ передней части повязки, приходящейся на лбу, пришивается наглухо въ стоячемъ положеніи четырехугольная пластинка или дощечка, называемая подушечкой; она дѣлается или изъ дубка, или, для легкости, изъ перекрещивающихся лучинокъ, обшитыхъ снаружи холстинкой. Подушечка изгибается соотвѣтственно округлости лба и передней части повязки и составляетъ съ этой послѣдней одно цѣлое, высоко поднимаемая надъ головой. Форма и величина „подушечки“ въ разныхъ селахъ дѣлается различная: въ с. Давыдъ-Городокъ она достигаетъ самыхъ большихъ размѣровъ (до 6 вершк. въ вышину и до 7 верш. въ ширину) и имѣетъ боковыя стороны, если смотрѣть на нее спереди, выгнутыми въ наружу. Въ с. Хоромномъ и въ д. Хорскѣ „подушечка“ высокая, но болѣе узкая, чѣмъ предъидущая, въ формѣ правильнаго прямоугольника. Въ с. Ольшанкѣ она суживается кверху.

Вся „пухоўка“, т. е. повязка и „подушечка“ обматываются толстымъ шнуркомъ изъ черной или бѣлой шерсти, назначеніе котораго непонятно не только для насъ, но и для самихъ хозяекъ „пухоўки“. Шнурокъ этотъ ничего не привязываетъ и не прикрѣпляетъ, украшеніемъ „пухоўки“ онъ также служить не можетъ, потому что поверхъ его „подушечка“ накрывается холщевымъ мѣшкомъ или чехломъ, съ нашитымъ на него четырехугольнымъ кускомъ бѣлаго коленкору, вышитаго разноцвѣтными шерстями;

чехоль этотъ называется чипецъ. Кромѣ того поверхъ чипца весь головной уборъ причудливо обматывается наметкой (родъ полотенца) изъ сѣрой прозрачной или полупрозрачной кисеи домашнего приготовления, середина которой обхватываетъ подбородокъ женщины, а концы свѣшиваются по спинѣ, достигая вплоть до талии. Такимъ образомъ, назначеніе шнура становится совершенно непонятнымъ. За разъясненіемъ этого вопроса мы обратились къ хозяйкамъ головного убора. Но и онѣ, согласившись съ нами въ бесполезности шерстяного шнура, могли доказать его необходимость только тѣмъ, что „такъ носили бабушки и прабабушки“. Отсюда было ясно, что когда-то шнуръ былъ для „пухоўки“ необходимъ, но съ теченіемъ времени устройство этого головного убора вѣроятно измѣнилось, и шнуръ, переставъ быть необходимымъ, сохранился только какъ переживание прошлаго.

Уборъ этотъ весьма неудобенъ въ носкѣ: во-первыхъ, онъ очень тяжелъ для головы, а во-вторыхъ, если идти въ немъ противъ вѣтра, онъ сильно паруситъ и потому отгибаетъ голову женщины назадъ. Но женщины, носящія „пухоўку“, надѣваютъ ее вовсе не для красоты, онѣ относятся къ ней съ религіознымъ уваженіемъ. Во-первыхъ, ее вовсе не носятъ въ будни, а надѣваютъ только по праздникамъ и только для того, чтобы сходить въ ней въ церковь, а во-вторыхъ, она носится только старухами. На наше замѣчаніе о неудобствѣ „пухоўки“ женщины дер. Хорскъ вполне соглашались, но прибавляли при этомъ: „что же дѣлать? Божья Матерь безропотно носила свою „коруну“ и намъ велѣла носить“.

Уборъ, называемый „головой“, мы нашли въ селѣ Туровѣ Мозырскаго уѣзда. Отъ „пухоўки“ онъ отличается, во-первыхъ, тѣмъ, что повязка, составляющая основаніе убора, имѣетъ форму не кокошника, т. е. не открыта сверху, а сдѣлана въ видѣ круглой шапочки въ родѣ еврейской или татарской ермолки, плотно облегающей голову. А во-вторыхъ, передняя дощечка или „подушечка“ имѣетъ совершенно иную форму, чѣмъ у „пухоўки“, а именно: она меньше этой послѣдней и имѣетъ внизу лишь около 1 вершка шириною, но наверху расширяется въ формѣ ласточьяго хвоста. Шнура у „головой“ никакого не имѣется. „Подушечка“ также покрывается вышитымъ шерстями чепцомъ, а сверху обматывается „наметкой“, которая здѣсь также кисейная, но не сѣрая, а бѣлая.

„Дамецъ“ мы привезли изъ с. Бережнаго Пинскаго уѣзда.

Отъ „пухоўки“ и „головой“ онъ отличается прежде всего формой своей „подушечки“: эта послѣдняя при сравнительно большой ширинѣ (во весь лобъ) вдвое ниже, чѣмъ въ Давыдъ-Городкѣ, верхніе углы ее закруглены. Кромѣ того, „подушечки“ у предыдущихъ уборовъ наклонены впередъ, а здѣсь она наклоняется назадъ. Наконецъ, дамецъ не имѣетъ „чипца“, а

только обтянуть бѣлымъ ситцемъ непременно съ черными горошинками. „Намѣтка“ здѣсь также есть, но она дѣлается изъ обыкновеннаго полотенца („рушныка“) бѣлаго и непрозрачнаго.

Что касается черемисской сороки, то основаніе у этого головного убора такое же, какъ у „головы“, т. е. холстинная ермолка, плотно обхватывающая голову, но „подушечка“ здѣсь не изгибается по формѣ головы, а остается совершенно плоской, такъ что къ ермолкѣ она прикрѣпляется на лбу только серединой. Форма „подушечки“ — совершенно правильный прямоугольный четырехугольникъ въ 3 вершка вышиною и въ 5 вершк. шириною, на головѣ она держится вполнѣ вертикально, не нагибаясь ни впередъ, ни назадъ. Весь головной уборъ, также какъ и полѣсская „пухоўка“, накрытъ сверху чехломъ, вышитымъ шерстями, въ родѣ „чицца“, но никакой „намѣтки“ сверхъ него не носятъ, а вмѣсто того поверхъ „сороки“ накладываютъ ситцевый платокъ, завязываемый подъ подбородкомъ. Отъ такихъ же вышеописанныхъ, полѣсскихъ головныхъ уборовъ „сорока“ отличается еще тѣмъ, что нижній край ея „подушечки“ располагается наравнѣ съ нижнимъ краемъ самаго головного убора и приходится на лбу, тогда какъ въ полѣсскихъ головныхъ уборахъ нижній ея край приходится выше лба, почти на темени, и вся „подушечка“ больше отнесена назадъ.

Какъ въ Полѣсьи, такъ и у черемисъ, описанные нами головные уборы носятъ исключительно замужними женщинами, что придаетъ двумъ сравниваемымъ народамъ еще одну лишнюю сходственную черту. Если мы теперь сравнимъ между собою все четыре головныхъ убора, то увидимъ, что черемисская „сорока“ наиболѣе соотвѣтствуетъ идеѣ всехъ этихъ уборовъ или тому первоисточнику, отъ котораго все они произошли. Эта идея, какъ мы думаемъ, заключается въ мягкой низенькой шапочкѣ, плотно обтягивающей голову и въ четырехугольной дощечкѣ, прикрѣпленной къ ней на лбу. Но такому опредѣленію головного убора, какъ нельзя лучше, соотвѣтствуетъ головной уборъ Іудейскаго первосвященника, Кидаръ, насколько мы можемъ судить объ устройствѣ этого убора изъ нижеслѣдующихъ соображеній. Въ книгахъ Моисея, гдѣ такъ подробно описывается всякая мелочь въ одеждѣ Аарона, Кидаръ, къ сожалѣнію, остался безъ всякаго описанія, вѣроятно, потому, что авторъ считалъ совершенно излишнимъ знакомить своихъ читателей съ головнымъ уборомъ, всеѣмъ и каждому въ его время хорошо знакомымъ. Однако, по нѣкоторымъ намекамъ священнаго писанія можно догадываться, что это былъ за уборъ. По мнѣнію одного изъ главныхъ комментаторовъ Библии, Раши (жилъ отъ 1030 по 1105 годъ), „Кидаръ“ Первосвященника былъ низкій головной уборъ, такъ какъ въ Библии (Исходъ гл. 28, ст. 40) сказано, что дѣти

Аарона должны были носить „высокій“ уборъ, тогда какъ слово, которымъ названъ головной уборъ самого Аарона (Исходъ гл. 28, ст. 39) значить „мягкій“. Такимъ образомъ, если соображенія Раши справедливы, то основаніемъ „Кидара“ была мягкая и низкая шапочка вродѣ еврейской ермолки или вродѣ мягкой полотняной шапочки, составляющей основаніе черемисской „сороки“.

Далѣе въ Библии же (Исходъ гл. 28, ст. 36) сказано:

36) И сдѣлай дощечку изъ чистаго золота и выгравируй на ней: „Свято для Бога“.

37) И прикрѣпи ее (дощечку) синимъ шнуркомъ къ Кидару и чтобы шнурокъ былъ на уборѣ.

38) И чтобы она была на лбу у Аарона.

По поводу этихъ словъ Библии, у различныхъ комментаторовъ ея возникаютъ споры: одни говорятъ, что дощечка должна быть спереди на самомъ головномъ уборѣ, а другіе, что она только подвѣшена была къ головному убору, но должна была быть непременно на самомъ лбу. Судя по словамъ Библии, можно думать, что вѣрнѣе первое изъ этихъ мнѣній. Если представлять себѣ „кидаръ“ въ видѣ обыкновеннаго головного убора, какой бы формы онъ ни былъ, въ такомъ случаѣ передняя его часть должна закрывать около половины лба, а въ такомъ случаѣ золотая дощечка была бы ужъ слишкомъ узка, чтобы занимать только остающуюся часть лба, неприкрытую головнымъ уборомъ. Если же дощечка была шириною не менѣе 2-хъ дюймовъ, то верхняя ея половина должна непременно лежать на головномъ уборѣ. Во-вторыхъ, въ стихѣ 37 ясно сказано: „и прикрѣпи ее къ Кидару“, т. е. именно прикрѣпи, а не подвѣсь, такъ какъ въ стихѣ 37-мъ не было договорено, гдѣ именно нужно прикрѣпить дощечку къ головному убору: на затылкѣ, на одномъ изъ боковъ головы или на лбу, то во избѣжаніе недоразумѣній авторъ и прибавилъ еще лишній 38-й стихъ: „и чтобы она была на лбу у Аарона“.

Какъ бы то ни было, но тѣ соображенія, которыя мы здѣсь привели, на основаніи русскаго перевода Библии, конечно, слишкомъ недостаточны, чтобы считать вопросъ о кидарѣ рѣшеннымъ. Выказавши свои предположенія, мы оставляемъ всетаки вопросъ объ устройствѣ кидара открытымъ, предоставляя его рѣшеніе специалистамъ.

Если принять, что кидаръ былъ устроенъ такъ, какъ предполагаемъ мы, то тогда онъ сходенъ съ описанными нами полѣскими головными уборами и черемисской „сорокой“. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ стало бы ясно, для чего у полѣской „пухоўки“ существуетъ шнуръ, не имѣющій никакого назначенія. Ясно, что „подушечка“ когда-то не была такъ плотно скрѣплена

съ „пухоўкой“, какъ теперь, и что онѣ были соединены между собою шерстянымъ шнуромъ. Когда же „подушечку“ сняли съ „пухоўкой“, то шнуръ сталъ излишнимъ, но хозяева „пухоўки“ изъ консерватизма всетаки не считали удобнымъ уничтожить шнуръ, который много вѣковъ быть можетъ носили ихъ бабушки и прабабушки.

То обстоятельство, что въ Полѣсьи и у черемисъ описанный нами головной уборъ носятъ женщины, тогда какъ у евреевъ онъ былъ исключительно мужскимъ, не должно насъ удивлять, такъ какъ сравнительная этнографія даетъ подобныхъ фактовъ безчисленное множество. Смѣло можно сказать, что нѣтъ той части мужского костюма, которую нельзя было-бы найти гдѣ-нибудь у женщинъ. А что и въ древности это не было рѣдкостью, видно изъ слѣдующихъ словъ Библии (Второзаконіе гл. 22, ст. 5): „На женщинахъ не должно быть мужской одежды... ибо мерзокъ предъ Господомъ Богомъ твоимъ всякій дѣлающій сіе“.

Интересно, что у черемисскихъ женщинъ можно найти еще и другую принадлежность одежды Іудейскаго Первосвященника.

Изъ Исходъ (гл. 28) мы читаемъ:

15) Сдѣлай наперсникъ судный искусною работою... изъ золота, изъ голубой, пурпуровой и червленной шерсти и изъ крученаго виссона сдѣлай его.

16) Онъ долженъ быть четырехугольный, двойной въ пядень длиною и въ пядень шириною.

17) И вставь въ него оправленные камни въ четыре ряда...

20) ... въ золотыхъ гнѣздахъ должны быть вставлены они.

21) Сихъ камней должно быть двѣнадцать, по числу (двѣнадцати именъ сыновъ Израилевыхъ...).

22) Къ наперснику сдѣлай цѣпочки, витыя плетеною работою изъ чистаго золота...

Извѣстно, что у черемисскихъ женщинъ также носится на груди твердый четырехугольникъ, который повѣшенъ на шею на ремнѣ, а вмѣсто драгоценныхъ камней унизанъ бисеромъ или монетами. У Racinet (*Costume historique*) есть рисунокъ черемисскихъ женщинъ съ четырехугольниками на груди, но изъ Симбирской губ. (т. 6, рисун. 495). Въ объясненіи къ рисунку сказано, что нагрудникъ этотъ дѣлается на жести и украшается монетами и мѣдными кружками. И. Н. Смирновъ въ своей книгѣ „Черемисы“ (стр. 77) говоритъ, что такой четырехугольный нагрудникъ у черемисскихъ женщинъ дѣлается изъ кожи и украшается монетами, что мѣстное названіе его ширкама или пычкама.

Что касается современныхъ евреевъ, то у нихъ фигура прямоугольнаго четырехугольника или квадрата считается священной, въ родѣ того, какъ врестъ

у христіанъ. Во-первыхъ, малый плащъ или Талэсъ-Кутонъ, который носить на себѣ каждый еврей мужчина (подъ жилетомъ, поверхъ рубахи, а если еврей щеголяетъ бѣльемъ, то подъ рубахой) имѣетъ форму прямоугольнаго четырехугольника съ вырѣзкой въ серединѣ его для продѣванія головы. На четырехъ углахъ этой части одежды, какъ мы уже говорили выше, пришиваются „кисти видѣнія“ (329). Кромѣ того въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной Россіи (намъ случилось это видѣть въ мѣст. Славутѣ Волынской губ.) старыя еврейки въ особо торжественныхъ случаяхъ надѣваютъ на грудь поверхъ платья такъ называемый Brusttuch, т. е. нагрудникъ изъ парчи или изъ шелковой матеріи съ вышивками, имѣющій непременно четырехугольную форму. Такъ же, какъ и у черемисскихъ женщинъ, онъ вѣшается на шею, но отличается отъ такого же черемисскаго нагрудника тѣмъ, что длина его направлена вдоль роста, а не поперекъ, какъ у черемисскихъ женщинъ. Что фигура прямоугольнаго четырехугольника или квадрата имѣетъ для евреевъ священное значеніе, доказываетъ еще слѣдующій фактъ:

Нѣкоторые благочестивые евреи въ нашемъ юго-западномъ краѣ при выбѣлкѣ и покраскѣ ихъ дома оставляютъ на стѣнѣ дома небѣленое и некрашенное квадратное поле въ 1 аршинъ и говорятъ, что они это дѣлаютъ въ воспоминаніе о разрушеніи Іерусалима (330). О литовскихъ женщинахъ мы нашли также бѣглую замѣтку, что онѣ въ древности „носили металлическія квадратныя бляшки“, но, въ сожалѣнію, ни о видѣ этихъ бляшекъ, ни о ихъ размѣрахъ, ни о способѣ ихъ ношенія никакихъ свѣдѣній мы не нашли (330 А) *).

*). Четырехугольный нагрудникъ принадлежитъ, какъ оказывается, далеко не однимъ евреямъ и черемисамъ, онъ принятъ и у многихъ другихъ народовъ. Такъ, у Расина (Costume historique т. 2 рисун. 1) приводится рисунокъ нагрудника, совершенно такой, какъ у Іудейскаго Первосвященника, но найденный на изображеніи Египетскаго фараона Рамзеса. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ, что главный египетскій судья носилъ на груди четырехугольную пластинку, украшенную драгоценными камнями, и что въ витринахъ Египетской галлерей на Парижской всемирной выставкѣ 1867-го года можно было видѣть такой же четырехугольникъ, украшенный эмалью и драгоценными камнями, относящійся къ болѣе древнему времени, чѣмъ времена Моисея, такъ какъ онъ принадлежалъ къ числу сокровищъ египетской царицы Аа-Готэпъ, матери Амазиса. Разница между Египетскими и Іудейскими нагрудниками, по словамъ того же автора, заключалась только въ томъ, что у первыхъ драгоценные камни укрѣплялись на золотой металлической пластинкѣ, а у послѣднихъ на фонѣ тканной матеріи. Кромѣ того такой же четырехугольный нагрудникъ былъ у древнихъ этрусковъ. Въ Ватиканѣ сохраняются этрусскія вещи, добытыя при раскопкѣ близъ Кяре (Cære), между которыми есть золотая нагрудная пластинка, совершенно такая, какая была изображена на могилахъ египетскихъ жрецовъ (331).

Изъ числа современныхъ народовъ четырехугольные нагрудники встрѣчаются у китайцевъ, гдѣ они даются въ видѣ отличія мандаринамъ. Два такихъ четырехугольника, вырѣзанные изъ матеріи, пришиваются къ ихъ одеждѣ на груди и на спинѣ, причемъ у мандариновъ военныхъ на нихъ изображаются четвероногія животныя, а у статскихъ—

Про украшенія ризы Іудейскаго Первосвященника въ Исходѣ (гл. 28, ст. 33) сказано: „по подолу ея (ризы) сдѣлай яблоки изъ нитей голубого, яхонтоваго, пурпуроваго и червленнаго цвѣта (и изъ крученаго виссона), вокругъ по подолу ея (такого вида яблоки) и позвонки золотые между ними кругомъ“.

Подобные же позвонки отъ пояса до колѣнъ, привѣшенные на шнуркахъ, носили въ древности литовскія дѣвушки (335)*).

Въ заключеніе приведемъ здѣсь еще одну черту, общую литовцамъ съ древними евреями. Нарбутъ въ своей „Исторіи народа литовскаго“ (Вильно т. I, стр. 282) слѣдующимъ образомъ передаетъ рассказъ Грунау въ хроникѣ 1520-го года о жертвоприношеніи у древнихъ пруссовъ (литовскаго племени): „Вайдэлотъ (жрецъ) говорилъ передъ собравшимся народомъ о заповѣдяхъ боговъ и о томъ, что они требуютъ отъ людей, потомъ наступило навладываніе рукъ на голову козла, причемъ народъ громко каялся въ своихъ грѣхахъ...“

А въ Библии говорится слѣдующее: „возложитъ Ааронъ обѣ руки свои на голову козла и исповѣдаетъ надъ нимъ беззаконія сыновъ Израилевыхъ, и всѣ преступленія ихъ, возложитъ ихъ на голову козла.. и понесетъ козелъ на себѣ всѣ беззаконія ихъ“...**).

Словомъ, передъ нами здѣсь проходитъ цѣлый рядъ загадочныхъ этнографическихъ параллелей между перечисленными нами народами, которыя нельзя объяснить общепринятымъ у насъ способомъ. Такъ какъ работы по

птицы (332). У чувашскихъ женщинъ есть такіе же четырехугольные нагрудники, какъ и у черемисскихъ, подъ названіемъ близкимъ къ черемисскому—Шульгама (И. Н. Смирновъ. Черемисы стр. 77). У Казанскихъ вотяковъ такой же нагрудникъ называется муражъ и украшается монетами и позументомъ (333). Такой же четырехугольный нагрудникъ носятъ и башкирскія женщины, онъ называется сельдаръ или идывшикъ, дѣлается изъ коралловъ и украшается монетами и оловянными кружечками (334). У швейцарскихъ женщинъ есть также нагрудное украшеніе въ формѣ прямоугольнаго четырехугольника или квадрата. У Расинэ изображены двѣ швейцарскія женщины съ такими украшеніями изъ Бернскаго кантона. У тѣхъ же швейцарскихъ женщинъ, какъ необходимая принадлежность костюма, есть серебряныя цѣпи, неимѣющія въ настоящее время никакого практическаго значенія и свѣшивающіяся спереди отъ плечъ къ поясу. Онѣ напоминаютъ тѣ золотыя цѣпи, на которыхъ у Іудейскаго Первосвященника былъ подвѣшенъ къ плечамъ четырехугольный нагрудникъ.

*) Ф. Готтенротъ говоритъ, что въ Россіи при раскопкахъ найдено безчисленное множество побрякушекъ, которыя еще и теперь употребляются между латышами въ Гольдингенѣ, гдѣ онѣ служатъ украшеніями для кафтана и плаща. Авторъ предполагаетъ, что и русскія женщины высшихъ классовъ въ древности носили юбку, украшенную по подолу позвонками (336).

**) Тотъ же обычай былъ въ древности въ Египтѣ и въ Индіи: «всѣ племена, собравшись вмѣстѣ, обременяли своими дурными дѣлами и словами очистительную жертву и потомъ изгояли ее въ пустыню». У египтянъ козла замѣняла телка, а у индійцевъ—лошадь (Журн. Мин. Нар. Просв. ч. XXXVI, II, стр. 87—88).

отысканію подобныхъ параллелей еще только что начинаются и потому составляютъ сравнительную новостъ въ нашей этнографической литературѣ, то мы воздержимся отъ какихъ-либо выводовъ, во ожиданіи того времени, пока фактовъ такого рода накопится болѣе. А теперь сопоставимъ только приведенныя нами параллели съ близкими къ нимъ и не менѣе загадочными параллелями, найденными нашимъ почтеннымъ ученымъ А. Фаминцынымъ между древними Прибалтійскими славянами и древними семитами (337).

В. Мошковъ.

Гор. Варшава.
26-го Января 1900-го года.